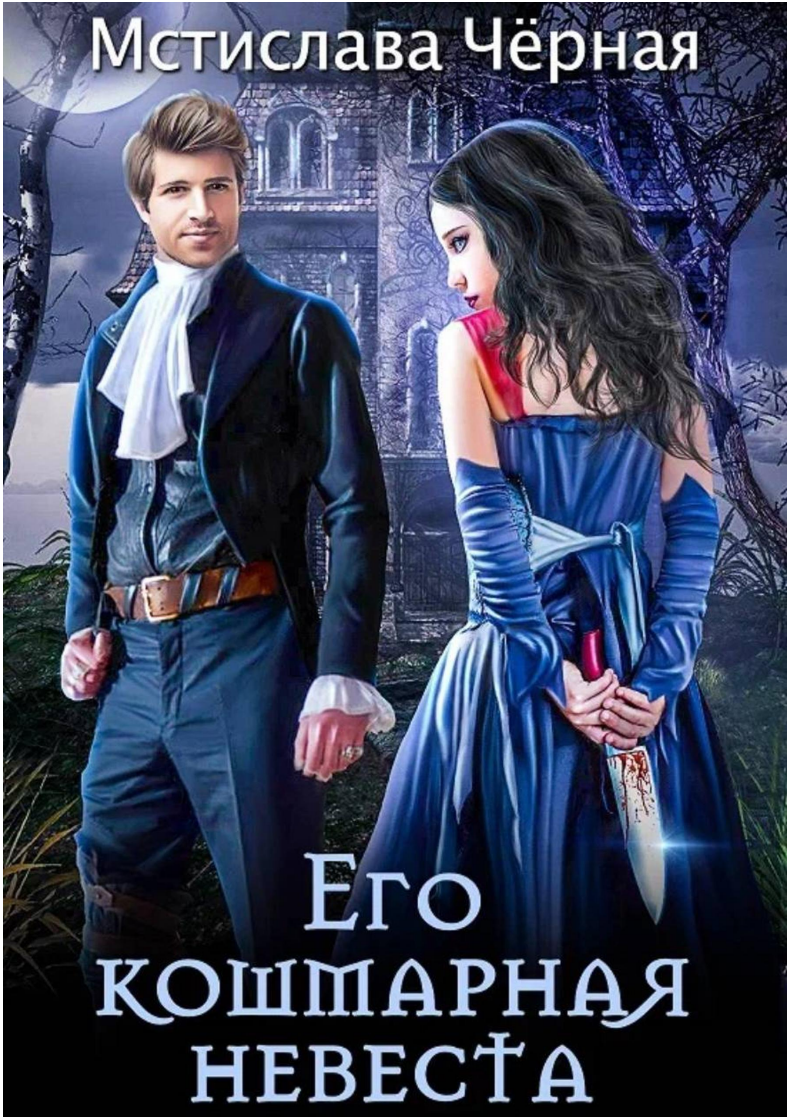

Мстислава Чёрная
Его кошмарная невеста

Мстислава Чёрная

Его кошмарная невеста

https://litres.ru/74705402
SelfPub; 2026

Аннотация

Выйти замуж за врага? Легко! Вдовий наряд Шаните к лицу. Над девушкой висит проклятье: она либо отомстит за убийство своих родителей, либо погибнет сама. Казалось бы, выбор очевиден, но всё меняется в первую брачную ночь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	68
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мстислава Чёрная
Его кошмарная невеста

Глава 1

— Будьте вы прокляты! — кричала я.

— Прокляты, прокляты, — откликалось эхо.

Мужчина шагнул ко мне, без замаха ударил коротким мечом. Я не ощутила боли, только под ребром кольнуло. Я упала на пол, туда, где уже лежали убитые папа и мама. На несколько секунд воцарилась тишина. Мужчина выждал, а потом насмешливо фыркнул и несильно пнул меня сапогом в бедро:

— А говорили, трудно будет.

Дурак, что он понимает… Моё тело умерло, это правда, но сознание осталось со мной.

Его сподручный присел на корточки, коснулся моей шеи.

— Пульса нет, господин.

— Разумеется.

Меня снова легонько пнули, а затем мужчины спокойно ушли.

По-привычке я хотела глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, но лёгкие отказались подчиняться. Что там лёгкие, даже взгляд не перевести! Тело таращилось в одну точку чуть ниже подоконника. Я видела, как коридор озаряет золото взошедшего солнца, как приходят послеполуденные тени, как снова темнеет. Я больше не нуждалась ни во сне, ни в пище. Жаль, двинуться не могла. Зато голова была ясной, и

я вспоминала, раз за разом прокручивая перед мысленным взором последние два часа свой недолгой, всего-то девятнадцать лет, жизни.

Родители играли на фортепиано в четыре руки, когда в гостиную ворвались трое. Чёрная одежда, лица скрыты масками, пришли со стороны входа для слуг. Тогда я просто опешила. Чужаки. Откуда?

— Беги! — закричал папа.

Сейчас понимаю, что нас предали. Предал. Старый Горис. Кроме него в доме никого не было, жену с сыном и невесткой он предусмотрительно попросил разрешения отправить на три дня на ярмарку, а сам открыл врагам. Папу убили первым, маму — второй. А я успела произнести слова проклятия.

Два дня ожидания… Мёртвые воспринимают время иначе. Я могла бы переждать вечность. Год, минута — всё едино, только скучно.

Наконец, раздались шаги.

— Свет милосердный! — охнул незваный гость.

Снова тяжёлые шаги, только удаляющиеся.

Жизнь в глуши по-своему очаровательна и не лишена преимуществ. От нашего поместья до ближайшего города день пути верхом на быстроногом коне. Вместо отряда стражи пришёл староста. Немолодой практичный мужчина сразу смекнул, что, пока земли бесхозны, собирать налог некому, а значит выгоднее тихо похоронить тела и смолчать. Мёрт-

вым всё равно, их не вернуть, а живым — денежка. Авось, несколько лет не хватятся. Что же, тишина мне на руку, поэтому не буду сообщать старосте, насколько он неправ.

Меня подняли, перенесли в спальню. Омывать и переодевать вызвались две крестьянки, они же вставили мне в глаза прозрачные стекляшки, чтобы за чертой я видела свет, а не тьму. Заодно девицы прошуршали весь гардероб, увязали вещи в два тюка. Не иначе как на память взяли. По доносящимся до меня обрывкам я поняла, что из дома вынесут абсолютно всё, что не приколочено, а что приколочено, вынесут вместе с гвоздями.

— Госпоже одной нижней сорочки хватит или вторую одеть?

— Платья хватит, — отрезала та, что была постарше.

— Неприлично же!

— Тогда свои сорочки и отдавай.

Аргумент подействовал. Удивительно, что платье оставили, могли и в ветошь завернуть.

Ближе к вечеру в комнату принесли грубо сколоченный ящик-гроб, переложили меня в него, закрыли крышку. Свет продолжал проникать через многочисленные щели, а потом стало темно — гроб перенесли на кладбище и опустили в могилу. Застучала по крышке земля, кто-то даже расщедрился на слова прощания, а когда всё стихло, я узнала значение фразы «мёртвая тишина». Чудненько.

Время вновь прекратило для меня существование. Я ле-

жала во тьме и сама не знаю, чего ждала. Проклятие, если и сработало, то как-то неправильно. Виновные должны были заплатить за содеянное кровью, проще говоря они должны были заболеть и сгореть в лихорадке. Почему сознание ещё со мной?! Сколько я ни старалась, придумать внятного объяснения не могла.

Спустя вечность тьма всколыхнулась, и мне почудилось, что я проваливаюсь. Хотя нет, не показалось. Треск ломающихся гробовых досок был отчётливым. Я ухнула вниз, чувствительно приложилась копчиком о мраморный пол.

— Траш! — вырвалось у меня привычное ругательство.

Ругательство?! Я снова двигаюсь?

Я приподнялась на локте, бегло огляделась, отметила, что нахожусь в незнакомом пустом помещении и что темнота совершенно не мешает видеть, выставила перед лицом правую руку, сжала и разжала пальцы.

— Нравится вернуть контроль над собой? — раздался мелодичный, почти детский голос.

Я медленно обернулась. Помещение и впрямь было пустым, если не считать кресла, стоящего на небольшом возвышении и сидящей на нём миловидной белокурой девушки с чёрными бездонными провалами вместо глаз. Незнакомка дружелюбно улыбнулась, но я не обманулась радушным приветствием.

— Тьма…

— Да, это я, — откликнулась она и весело рассмеялась.

Я подошла ближе к трону. Шести толстущих томов «Этикета» оказалось совершенно недостаточно. Почему-то в них забыли упомянуть, как следует общаться с богами.

— Ты позвала меня перед смертью, — пояснила Тьма, хотя вслух я ничего не спрашивала.

Разве я звала?

— Ты кричала: «Будьте вы прокляты».

Мало ли кто и что кричит.

Богиня грациозно повела обнажённым, прикрытым лишь узкой лямкой, плечиком:

— Вас убивают. Из более чем двадцати высших жриц осталось четверо.

Я не жрица.

— Ты её дочь, наследница. И ты, в отличии от своей матери, мне нравишься. У неё, как и у тебя, было несколько мгновений. Что она сделала? Покорно дала себя убить. Недостойна.

Жёстко. Хотя доля правды в словах богини есть. Мама у меня мягкая. Была. Я пошла в бабушку и внешностью, и характером.

— Я готова дать тебе шанс, Шанита. Сама исполни своё проклятие, и мы снова встретимся. Справишься — получишь шанс на второе рождение. Не справишься — сгинешь. Ты помнишь, чего в душе желала своим врагам?

Я невольно вздрогнула. Я желала отмщения.

— Заплатить должны не только виновные, но и все те, кто

с ними плоть от плоти и кровь от крови. Ты так пожелала, а я подтверждаю. И ещё. Время тоже твой враг. Моё благословение с тобой, пока ты идёшь к цели.

Богиня грациозно поднялась и растаяла невесомым облачком тумана. Трон пропал вслед за ней, а я осталась в опустевшем зале.

— Траш! — выдохнула я.

Богиня была невероятно щедра. Даже призрачная возможность однажды вновь услышать биение собственного сердца стоит дорого. Умирать не хотелось. Мстить? Убийцам — да. Остальным — надо подумать. И для начала ответить на простой вопрос: где я? Мрамор молчал. В зале не было ни окон, ни дверей. Единственный выход — через щель между потолочными плитами.

Я прошлась по залу, выполнила несколько прыжков, пробежалась. Прежде чем лезть, надо привыкнуть к телу заново, несколько суток мёртвой неподвижности вряд ли прошли бесследно. Пальцы гнулись, руки-ноги слушались, зрение, пожалуй, даже улучшилось. Про слух и обоняние говорить рано. Пульса нет. Интересно, какая у меня теперь температура тела? На последнем прыжке я зацепилась стопой за юбку и некрасиво растянулась. Та-ак.

Перемазанное землёй платье было испорчено. Отстирать, вероятно, можно, но легче выкинуть. Я подобрала юбку и рванула вдоль шва снизу вверх. Будь я живой, ничего бы не получилось. У мёртвой сил прибавилось. Ткань поддалась, и

я укоротила юбку, оставив её до середины бедра. Вот теперь можно попытаться влезть по колонне к потолку. По деревьям лазать получалось — и здесь получится.

Конечно, всё оказалось не так просто, два раза я сползала по скользкой поверхности вниз. На третий получилось. Я дотянулась и зацепилась за край плиты, на миг зависла, будто простыня на верёвке, подтянулась и, не оставляя себе времени на сомнения, разжала ноги. Удержалась. Зависла под потолком на одних руках.

— Траш!

Рывок. Я влезла головой в щель, потолкалась локтями, угнездилась, подтянула сначала одну ногу, потом другую.

Поклонение Тьме приравнено к государственной измене. Уцелевшие после гонений храмы надёжно скрыты, например, как наш, в толще земли под кладбищем. Мама почти ничего не успела рассказать… Так больно… Но раскисать не время.

У меня над головой слой земли толщиной в три моих роста и нужно выкапываться. И ладно бы песок! Глина забивалась в рот, в нос, в уши, под ногти. Я сама себе напоминала червяка-переростка или гигантского крота. Так и представляю, могила зашевелится, приподнимется бугорок. Случайные зрители с криком бросятся врассыпную. Ой, траш! Нельзя мне случайных зрителей.

Я прикинула, как близко поверхность. По ощущениям — уже на расстоянии вытянутой руки, вряд ли больше. Я при-

слушалась и задумалась. По идее, на кладбище крестьянам делать нечего: принесли, закопали и ушли. Но мало ли… Подозрительных звуков снаружи не доносилось.

Восставшие мертвецы из старых сказок по поверьям могли чуять живых. А я? То ли не могу, то ли никого нет. Ладно, зайдём с другой стороны. В тех же сказках нежить нутром чует, ночь на улице или день, затянуто небо облаками или ясно. Вроде бы солнце. Лучше подождать. Богиня, конечно, говорила, что каждый миг я должна двигаться к цели, но сомневаюсь, что фразу следует понимать буквально. Я замерла, прислушалась к ощущениям, и сомнений не осталось — наверху солнце.

Что же, пока я жду, почему бы не подумать ещё раз? Занятие-то всяко полезное. И начать хотя бы с того, что и убийцы, и предатель Горис из поместья давно ушли. Про убийц я знаю только то, что их трое, и они мужчины. Лица были скрыты, имён они не называли. Ясно, что не за деньгами пожаловали. Их послали уничтожить жрицу и её семью.

— А говорили, трудно будет, — сказал главный.

Эта фраза подтверждает моё предположение. А ещё из неё можно понять, что раньше эти люди с жрицами не сталкивались. Ну да, карателей за ненадобностью упразднили несколько столетий назад.

Я сплюнула глину, набившуюся в рот. Вытащила из глаз стекляшки. Они не мешали, но давно пора избавиться.

Итак, убийцы вышли на Гориса, значит и мой путь лежит

к нему. Я знаю, что родню он отправил на ярмарку в ближайший город. Обман? Вряд ли — больше идти некуда, а в городе транспорт. Стало быть, ближайшая цель определена — ярмарка. Осталось решить, что делать с крестьянами. С одной стороны, они разграбили поместье и неплохо бы намекнуть им, что вещи следует вернуть. Я собираюсь ожить, и в будущем имущество мне понадобится. С другой стороны, целее буду, если тихо скроюсь.

Солнце опустилось за горизонт. Я выждала ещё пару часов, пусть сумерки выгорят дотла и мне останется чернильно-чёрная ночь. Верхний слой почвы легко разрывался. Капля усилий, и из-под ладони исчезла преграда. Пальцы обдул прохладный ветерок. Живые по-прежнему не чувствовались. Я освободила вторую руку, теперь поизвиваться червяком. Выбралась.

От норы я отползла на четвереньках, медленно встала, огляделась. Ночь скрадывала цвета, деревья на фоне ночного неба казались изломанными чудовищами. Вдали высился осиротевший дом. Я глубоко вдохнула, пробуя воздух на вкус. Какая прелесть… И жизнью тянет со стороны деревни. Пожалуй, я всё-таки навещу крестьян.

Дыру в земле пришлось закапывать и маскировать. Хорошо хоть вылезла в стороне от своей могилы. Её я, кстати, нашла. И её, и родительские. Вместо надгробий некрупные камни с острыми гранями. Имена криво выведены краской на дощечках. Староста видать постарался, в деревне он слы-

вёт самым грамотным. Я положила родителям по букетику свежесорванных ромашек, выбросила увядшие цветы. Да, я понимаю, что оставляю след, но и не такой уж он подозрительный. Мало ли кто поклонился господам тайно…

— Я обязательно вернусь и приведу ваши могилы в порядок, — пообещала я, — а пока спите спокойно. Я со всем справлюсь.

Ответа не последовало, да и не ждала я. Простилась и, не оглядываясь, побрела к дому.

Кто сказал, что мёртвым не бывает больно? Мне было. И в отличии от живых, я не могла выплакать своё горе. Глаза оставались сухими.

К дому я кралась через сад, скользнула тенью к боковому входу, попробовала дверь. Естественно, незаперто. Дверь открылась без единого скрипа, Горис смазывал петли за три дня до прихода убийц. Уже тогда готовился? Я зашипела, тотчас прижала пальцы к губам. Тише надо себя вести, тише. Хотя живых рядом нет, не чую. Я пересекла коридор, снова прислушалась. Гостиная встретила пустотой: мебель вынесли, ковры, картины, вазы забрали. Со стен оборвали драпировку, с окон — шторы. То ли какой девушке на приданое ткань пойдёт, то ли торговцу продадут. Мало ли тех, кто готов платить за краденое.

— Траш! Траш! Траш!

Убью. Вдох-выдох. Движение воздуха через лёгкие подействовало успокаивающе. Крестьян оставлю на десерт, когда

оживу. Подумаешь, вещи выгребли. С тем же успехом дом мог сгореть. Я пробежалась по комнатам: как и ожидала, вычистили всё.

Зато на тайники крестьянам ума не хватило. Я проверила все три: в кабинете, в спальне, в подвале. Семейные реликвии, родовые драгоценности, документы, деньги, словом, всё самое важное и ценное уцелело. Забирать с собой не имело смысла, поэтому я перепрятала сокровища в самый надёжный из тайников — в подвале, закрыла тяжёлую плиту, начертила знак тьмы. С домом тоже прощаюсь.

До деревни я добралась в предрассветный час, остановилась у крайнего двора. Ощущение жизни щекотало ноздри. Я облизнулась и поймала себя на мысли, что думаю о крестьянах, как о еде. Поворачивать обратно не стала, но и принюхиваться себе запретила. Перебралась через плетень, прошла огородом, обогнула сарай. И стоило мне приблизиться к очередной избе, как из будки выскочила собака и зашлась истошным лаем. Я шарахнулась. Собака бросилась, захрипела, повиснув на цепи, и вновь залилась лаем. Дверь избы распахнулась. Первым на улицу выскочил вихрастый парень с вилами в руках, за ним чуть более крупный мужчина с лопатой и топором, заткнутым за пояс. В последний момент я успела скрыться за углом. Чурбаки сложены очень удачно, сначала на них, потом на край крыши. Вскарабкалась я бесшумно и замерла. Собака продолжала сходить с ума.

— Рвач, смирно! — велел парень.

Я свесилась с крыши и за их спинами скользнула в темноту сеней. Зрение позволяло ориентироваться и без света. Я скользнула вдоль сундуков и быстро зажала рот ладонью, а то бы зашипела, не удержалась. Два сундука очень даже знакомые, теперь в каждой избе парочка таких. Вдох-выдох. Я знала, что увижу, за этим и пришла, нечего эмоциям поддаваться, хотя кусануть ворьё хочется.

— Ш-ш-а…

К счастью, звук получился на грани слышимости.

Сначала открыла меньший сундук, но в нём оказалась посуда. Точно, он стоял на кухне. Почему уверена, что не крестьянский? У них простые, деревянные, иногда обитые полосами железа. Наши были покрыты лаком, обязательно украшены растительным или животным орнаментом, а то и вовсе расписаны как настоящие произведения искусства. Открыла больший, украшенный фигурной резьбой и разноцветными поделочными камнями.

Я бы предпочла свои вещи, но искать их по всей деревне просто глупо, а тут одежда, то, что надо. Уверена, пропажу пары тряпок никто не заметит. Я вытащила нижнюю сорочку, платье, поколебалась, но добавила ещё одно, на смену, шаль просто под руку попала, платок, туфли. В общем-то, всё. Сундук я закрыла, платок расстелила на полу, в центр бросила отобранные вещи и завязала углы платка крест накрест, получился узел. Как у крестьянок.

— Ш-ша, — выдохнула я, особо не стесняясь. Прислуша-

лась.

Кажется, я подзадержалась. К двери. Я буквально вспорхнула на крышу и как можно быстрее перебралась на противоположную сторону. И как только я отгородилась зданием, собака притихла. Лай сменился скулежом. Я, не теряя времени, спрыгнула на землю и припустила к лесу, между делом неодобрительно поглядывая на стремительно розовеющий восток.

В спину закричал петух.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я нырнула в прохладу густого ельника и уже не спеша двинулась прочь. С деревней я тоже временно прощаюсь. Мой путь лежит в город, на ярмарку. Передо мной открыты тысячи дорог. Что меня ждёт? Не знаю. Но кто бы мог подумать, что после смерти жизнь только начинается.

Глава 2

Привал я сделала на берегу лесного озера. В отдыхе я не нуждалась, а вот в купании — очень. Волосы слиплись, тело покрыто коркой глины. Во мне даже покойницу сейчас не узнать. Я бросила узел под ближайший куст, прислушалась к ощущениям. Живых поблизости не было. Значит, можно смело сбросить остатки погребального наряда, припрятать под другой куст и войти в воду.

Сначала просто поплавать, часть грязи сама отмоется. Остальную придётся оттирать. Эх, что мне стоило прихватить ещё и мочалку? В ход пошли пучок осоки, надёрганной на берегу, пригоршня песка, поднятая со дна. Где-то через час я вышла на берег обсыхать. Кожа скрипела чистотой и сияла мертвенной белизной, которую в общем и целом вполне можно выдать за аристократическую бледность, не хватает только широкополой шляпы и длинных, до локтя, перчаток. Гораздо сложнее будет объяснить багровую полосу под грудью, при нажатии на которую края раны размыкаются. У кого-то карманы в одежде, а у меня — в теле, прям до сердца. Впрочем, рана под тканью незаметна, не кровит же.

В последнюю очередь я занялась волосами. За ними бы специальным снадобьем поухаживать и расчесать, но гребня нет, крема — тоже. Кое-как пропустила пряди сквозь пальцы, заплела косу, перевязала полоской кружева, содранной

с погребального платья. Пожалуй, можно идти дальше. Чем быстрее доберусь до ярмарки, тем легче мне будет найти сначала Гориса, а потом убийц.

Одеваться? По уму — не обязательно, вещи стоит поберечь. Но голой, даже зная, что вокруг ни души, жутко неудобно.

Интересно, чьи вещи мне достались? Нижняя сорочка обычная, пахнет старостью. Сколько благовониями вещи ни пересыпай, за годы хранения они обретают своеобразный неприятный запах, который ни с чем не спутаешь. Платья тоже пахли. Оба тёмно-зелёные, закрытые, пошиты по моде почти столетней давности. Должно быть, я выгляжу в них как чучело.

Я обулась, завязала полегчавший узел и направилась вглубь леса. Я решили на дорогу не выходить. Только своих крестьян для полного счастья мне и не хватало встретить. Нет уж, рисковать незачем.

День, ночь, сутки прочь.

Я не знала ни усталости, ни голода.

Шла и шла.

Иногда я ловила себя на довольно кровожадных мыслях, но всё же на лесную живность не бросалась.

Ближе к вечеру второго дня пути я почувствовала живых и остановилась. Если бы они устроили привал у дороги, лентой вившаяся в трёхстах шагах справа, я бы не заинтересовалась. Но в чаще? Определённо этим людям следует

уделить внимание. Возможно, я посмотрю и обойду их стороной. Возможно — нет. Надеюсь — нет. Я облизнулась и невольно издала урчание, больше похожее на звериное. Что это со мной? Больше шуметь я себе не позволила и медленно двинулась к лагерю. В том, что увижу именно лагерь, я не сомневалась. Люди устроились на ночёвку, и я их навещу.

Я успела научиться ступать тихо, не ломать ветки, не продираться с треском через бурелом, оповещая о себе всю округу. Пожалуй, даже любопытно, как быстро меня обнаружат. Лагерь я обошла по дуге, пробуя воздух на вкус. Подобралась ближе, стараясь оставаться в тени деревьев, и замерла, неторопливо рассматривая поляну. Весело пляшут языки костра. Здоровущий, похожий на медведя, мужик кашеварит, от котла отчётливо тянет крупой. Ещё двое расслабленно сидят на бревне, третий копается в дорожных мешках, четвёртый, с окровавленным ртом, единственный в одежде, подходящей горожанину, а не забулдыге, связанный, скорчился чуть в стороне.

Странно, что не раздели, хотя пленник тощий, а разбойнички поперёк себя шире, им его добро разве что на нос полезет. Сапоги, видно, присвоили — пятки у парня голые. Помочь мальчишке или не помочь, я даже не сомневалась. На ярмарке нужны деньги. Где я их возьму, как не у душегубов?

Третий оторвался от своего занятия, поднял голову:

— Слышали?

Кашевар промолчал.

— Тихо всё, — буркнул сидевший на бревне ближе ко мне.

— Нет.

Одно короткое слово многое сказало о моём противнике — нелюдь. Как он оказался в нашем захолустье и почему верховодит облезлой шайкой, не понятно, но мне и не к спеху подробности его биографии. Достаточно знать, что он опаснее всех оставшихся вместе взятых. Я подобралась. Менее крупный, более гибкий. Кинжал вытащил отточенным движением. Отступил к дереву точь-в-точь как я. Это будет интересно.

— Щука, проверь.

— Почему я? — возмутился громила, но послушно поднялся с насиженного места.

Главарь даже отвечать не стал.

Названный Щукой подхватил с земли топор и направился в мою сторону. Удачно. Или нет? Что выгоднее, выдать своё присутствие или попытаться спрятаться? Нелюдь меня каким-то образом заметил. Вряд ли мне удастся его обмануть, но трону Щуку — подставлюсь под удар. Может, мне этого увальня как приманку подослали… Обойдётесь. Я присела на корточки,обхватила себя руками и притворилась, что дрожу. От холода или страха сами додумают. Важно, что вид безобидный.

Громила меня, разумеется, заметил, остановился, вылупился.

— Ы, — глупая щербатая ухмылка, на большее его ума не хватило.

Разбойничек оглянулся на поляну. Да-да, делиться придётся.

— Я заблудилась. Помогите, пожалуйста, — привлекла я к себе внимание.

Громила с готовностью протянул лапищу, не мытую пару месяцев минимум. Притрагиваться? Фи! Я изобразила смущение, поднялась сама, а потом и вовсе в книксене присела. Он даже не понял, что я обвела его вокруг пальца, остался жутко доволен моим поведением и даже принял правила игры, неумело взмахнул рукой, приглашая к костру. Мне того и надо: чтобы рук не распускал.

— Вы так любезны, — закрепила я успех.

— Хы.

Дольше агукай. Пока громила чесал необъятное пузо, я скользнула в круг света, потупилась. Смотрите на меня, я маленькая и глупенькая. И слепенькая, связанного в упор не вижу. Теперь улыбнуться, чтобы появились ямочки на щеках.

— Добрый вечер, уважаемые. Я заблудилась.

С бревна поднялся второй громила, кашевар оторвался от котелка.

— Девка!

— У! — выдали они почти хором.

И только нелюдь оказался умным:

— Совсем не боишься, красавица?

Эмпат? Вероятно. Хищностью от меня разит на всю округу, он ощутил и продолжает ощущать. Вот и держится на расстоянии, что меня в корне не устраивает. Нелюдь первый в моём расходном списке.

— Разве вы мне не поможете?

Я продолжала притворяться дурочкой. Главаря не переубедить, а на остальную шайку действует. Интересно, а у меня получится их стравить? Поутихнувшая было кровожадность вновь дала о себе знать, я непроизвольно облизнулась.

— О…, — раздалось над ухом. Жертвы поняли меня неправильно.

Нелюдь насторожился ещё больше. Я же ждала, что он предпримет. Он явно не понял, кто я, и это моё преимущество. Громилы очарованы, поэтому главарь может либо бежать, либо бить на упреждение. Ну! Он выбрал третий вариант.

— Девочка, посмотри вон туда, — он указал на пленника. — Если ты приняла нас за крестьян, то зря. Мы грабители, насильники и душегубы, — он улыбнулся, нехорошо улыбнулся, предостерегающе и предвкушающе.

Открыть глаза громилам и натравить их на меня — умный ход. Интересный противник. Я вдруг поймала себя на том, что не узнаю сама себя. Разве раньше я могла не то, что сделать, подумать заявиться к бандитам и планировать их уничтожение. Ну, раньше я не была мёртвой.

— Щука, убить.

Значит, не подойдёт. Придётся самой туфельки стаптывать.

— Да ты чё, — громила проигнорировал приказ. — Девка же. Ва, какая, — Щука выразительно причмокнул.

Больше не тратя слов, нелюдь метнул в меня короткий нож.

Зараза. Нож, конечно, не причинит серьёзного вреда. Но зачем мне лишние дырки в теле?! Хватит одной. Я быстрее живых и сильнее, метнулась в сторону, перекатилась по земле, легко вскочила и оказалась нос к носу с главарём. Он шарахнулся. Я перехватила его за горло, слегка сжала, чтобы не трепыхался, одновременно развернулась, отгораживаясь его телом от остальных. Он мог бы вырваться, но мне помог проснувшийся голод. Восприятие действительности окончательно исказилось, я держала в руках сосуд, полный жизненных сил, и его надо во что бы то ни стало выпить. Тело в моих руках корчилось в судорогах, старело и усыхало. На землю упал похожий на мумию труп.

Кашевар и два громилы смотрели на меня с ужасом. Дураки, и помрут от дурости. Им бы бежать, а они смотрят.

— Мальчики, кто следующий?

Мальчики опомнились и бросились врассыпную. Зря. Поздно. Я метнулась вперёд и ухватила сразу двоих. Глоток за глотком, сколько ни пей, мою жажду никогда не залить, только приглушить. Ещё два ссохшихся трупа на земле. Я

облизнулась. Осталась ещё одна вкусность.

Вопя на одной ноте и с треском продираясь через лес, улепётывал кашевар. Я неторопливо последовала за ним. Пока он бежит, неплохо бы сразу подвести предварительные итоги. Встреча с разбойниками оказалась необычайно полезной. Во-первых, мне стало лучше, и я могу быть уверена, что не обезумею и не брошусь на первого встречного. Об убийстве я не сожалела. Вот ещё. Новая суть сказывалась. К тому же я изначально дочь жрицы Тьмы. Убиваешь ради наживы? Будь готов, что убьют тебя. Такая вот тёмная справедливость. Во-вторых, я на собственной шкуре убедилась, что опознать во мне чудовище легче, чем хотелось бы. Те же эмпаты. Вывод прост: о безопасности и маскировке нужно позаботиться особенно тщательно. В-третьих, я стала заметно богаче. Насколько — посмотрим.

Кашевар улепётывал, не глядя под ноги, за что и поплатился. Оступился, неудачно упал, сразу встать не смог, а когда поднялся и поковылял прочь, я была уже совсем рядом. Я чуть ускорилась, обошла мужика на дуге и заступила ему дорогу.

— Привет. Многих убил? Сколько ни в чём не повинных людей на твоём счету?

— Н-нет, пощади! Пощади! — мозги перед лицом смерти заработали, и он сделала весьма выгодное, как ему казалось, предложение. — Мёртвая, я достану тебе пищу, много пищи. Я буду тебя кормить. Не тронь.

— Будешь, — согласилась я, и выпила последнего из шайки душегубов.

Моими стараниями лес стал капельку чище, крестьяне могут ехать в город спокойно и не бояться, что по пути их лишат и кошелька, и головы.

Ссохшееся тело я принесла обратно на поляну. Я с детства усвоила, что сорить не хорошо и за собой нужно убирать.

Осталось решить дело с пленником. За моё недолгое отсутствие он попытался освободиться и удрать. Не вышло — дураки дураками, а связали не совесть. Хотя, возможно, главарь постарался.

Парень смотрел на меня широко раскрытыми глазами, но не кричал, не хныкал, не умолял. Несмотря на плачевное положение, держался с достоинством, и это заслуживает уважения. Я присела на корточки, провела указательным пальцем по верёвкам и принялась рассуждать вслух:

— Больше есть пока я не хочу. Тащить тебя с собой накладно. Так оставить? С голода помрёшь. Я бы развязала, но ты первым делом к жрецам Света побежишь, а меня это не устраивает. Как думаешь, стоит проявить милосердие?

Парень нашёл в себе силы ответить:

— Был бы весьма признателен.

Голос тихий, хриплый, но не дрожит.

— Тогда выбирай, — великодушно предложила я. — Могу шею свернуть, могу ножом в сердце ткнуть. И то, и то, быстро и безболезненно.

На самом деле убивать парня я не собиралась, собиралась «помариновать», чтобы получить гарантии.

— Госпожа, я никому ничего не скажу о вас. Клянусь.

Пока это просто слова. Нет, дорогой, мне нужно кое-что иное.

— Неужели? — хмыкнула я. С верёвки палец переместился на плечо пленника, я провела вверх по шее, задержав пальцы на бьющейся жилке. Живое сердце билось часто-часто. Моё молчало.

Я нависла над парнем лицом к лицу.

— Пожалуйста, госпожа. Ваши условия.

Парень мне нравится всё больше и больше.

— Ты поклонишься Тьме, — просто сказала я.

За несколько дней спокойного пути у меня было время прокрутить в памяти разговор с богиней пару сотен раз. Вряд ли я ошибусь, если предположу, что месть, возложенное на меня исполнение моего же проклятия — это проверка на пригодность к жречеству. Что потребует Тьма в конце путь? Восстановление культа, больше нечего. Я подстрахуюсь и начну работать в этом направлении гораздо раньше.

Парень не спешил отвечать. Немедленное согласие меня бы разочаровало. Раз молчит, значит обдумывает.

— Я буду убивать, как вы?

— Нет, зачем? Ты принесёшь Тьме клятву верности и по праздникам будешь проводить ритуал почитания. Большего я не требую.

Больше может потребовать богиня, но это уже меня не касается. Кажется, парень понял, снова замолчал.

— Я скоро проголодаюсь, — поторопила я.

— Согласен.

Это было изначально понятно. Я, не церемонясь, разрезала верёвку, и освобождённый пленник не сдержал стона. Сколько он связанным пролежал? Сейчас ему должно быть очень больно.

— Растирайся, приводи себя в порядок, лопай кашу, — распорядилась я.

Зря что ли кашевар кашеварил? Обмана я не боялась. Парень показался мне умным, глупостей делать не станет, а и станет — догоню. В лесу, да ещё и ночью от меня не уйти. Я бросила ссохшиеся мумии разбойников в огонь. Не оставлять следов — превыше всего. Костёр вспыхнул ярче, принимая подношение и обращая в пепел. Пахнуло жаром.

Я отсела от огня на бревно, исподлобья бросила взгляд на парня — разминается. Посвящение устрою в полночь, обставить всё надо грамотно. Такое чувство, что я за всю жизнь столько мозги не напрягала, сколько за несколько дней нежизни. Первое. Нельзя, чтобы парень попался Свету. Последователями не разбрасываются, опять же, от парня узнают обо мне. Значит, много нагружать на него ни в коем случае нельзя. Второе. Меньше пафоса. Чем сложнее ритуал, тем легче его отследить. Результат же от пафоса не зависит. Богиня на моё простое «будьте вы прокляты» откликнулась,

да ещё как.

Вытряхнув из полупустых кошелей разбойников мелочь, пересчитала наличность. Мда, не густо.

— Где у них схрон, логово, хоть что-то?

— Рад бы помочь, но, к сожалению, не знаю, госпожа.

— А что знаешь? Как ты к ним попал? Кто ты?

— Сын купца, госпожа. Отец отправил меня с товарами. Места тут хоть и глухие, потихоньку торговля идёт, не опасно.

— Не опасно? — переспросила я.

— Именно, госпожа, — серьёзно подтвердил парень. — Здесь на пять ходок четыре спокойные, а на проблемных направлениях день без неприятностей не обходится.

— Хм.

— На нас несдешние напали. Охрана дала отпор, но меня схватили. Так и не за обозами охотились. Отец за меня денег не пожалеет, вот и взяли ради выкупа. А дальше уже эта шайка заявилась с нелюдем во главе. Тоже выкуп получить хотелось, только вряд ли бы они меня отпустили.

— Ясно.

Я прошлась по поляне и окрестностям в поисках схронов и тайников, но моей единственной добычей остались монеты из кошелей, причём часть придётся отдать мальчишке, ему нужнее — не будет же он пироги у уличных торговок воровать. Я цыкнула и вернулась к костру.

Парень сидел, подставив огню ладони и стопы. При моём

появлении вздрогнул. Вполне понимаю его страхи, но отступать не собираюсь.

— Пора? — спросил он впервые дрогнувшим голосом.

— Пора, — сначала я хотела потребовать погасить огонь, но передумала. Пусть горит, пусть незваные гости идут к нему, а не к нам.

Мальчишка вздохнул, но пытаться оттягивать неизбежное не посмел и послушно последовал за мной во мрак ночи.

Глава 3

Церемония поклонения Тьме. Звучит.

А на деле ритуал я додумывала, пока мы шли от костра. Как мне объясняла мама, церемония нужна не богине, а самим жрицам, чтобы поразить воображение участников, заставить трепетать, и в конце концов напугать до мокрых штанов. Именно это я и проделывала с мальчишкой — пугала. Ночь полна загадочных шорохов, к которым добавляются мои шаги. Я вынудила парня идти первым. Нежить, следующая по пятам — незабываемое впечатление.

— Здесь, — нарушила я молчание, когда костёр окончательно пропал из вида. — Преклони колени.

Парень опустился сначала на одно, потом на второе колено. Правильно, больше почтения богине, я оценю. Я мысленно досчитала до трёх и положила ладони парню на плечи. Он вздрогнул.

— Как твоё имя? — давно пора узнать.

— Мальс, госпожа. Мальс Травит.

Голос у парня снова ровный и уже не такой хриплый после горячего травяного отвара.

— Зачем ты пришёл сюда, Мальс?

— Поклониться Тьме, госпожа.

— Ты услышан. Ты пришёл к Тьме, ты пришёл во Тьму, и Тьма поглотит тебя.

Что за бред я несу? Неважно, продолжаю. Больше уверенности, больше шипящих нот.

— Тьма слыш-ш-шит тебя.

— Я, — Мальс запнулся, но быстро выправился, — я склоняюсь перед Тьмой, признаю её величие и клянусь, что отныне лишь Тьма имеет надо мной власть, клянусь Тьме в вечной верности.

Мне показалось, что окружающий мрак сгущается, что из земли медленно поднимаются серые тени и начинают свой потусторонний танец, что где-то далеко начинает разворачивать щупальца спрут. И это не моя работа! Что говорить о парне, даже меня пробрало. Я почувствовала себя очень неуютно, а тени скользили всё быстрее, хоровод раскручивался, завораживал. Мальс со стоном уткнулся лбом во влажный мох.

Сотканное из мрака щупальце подбиралось всё ближе. Мальс заметил, дёрнулся в сторону. Пришлось парня ловить и останавливать.

— Нет, пожалуйста! — вот теперь чувствуется, что Мальс сын купца средней руки, самоконтроль утерян, парнишка в ужасе. Так бы и съела.

Щупальце подобралось ближе, коснулось голой пятки. Мальс притих, только мелко дрожал. Щупальце продолжило движение по ноге, обвиваясь будто змея. Выше, ещё выше. Щупальце на миг замерло у пояса, слепо пошарило и скользнуло под рубашку. Мальс с присвистом выдохнул и обмяк. Я

даже подумала, что потерял сознание, как сомлевшая девица, а нет, глаза ясные, просто смирился с неизбежным.

Внезапно Мальс выгнулся дугой, вскрикнул, и желание съесть сменилось неожиданным сочувствием. Попал мальчишка в жернова: сначала похитители, потом разбойники, теперь я. С каждым разом всё страшнее и страшнее.

Щупальце растаяло, будто его и не было, тени вернулись в свои норы, попрятались по щелям. Окружающий мир успокоился. Я присела на корточки:

— Ей, ты живой? Мальс?

— Да, госпожа.

Парень кое-как сел, я помогла, подрагивающей рукой оттянул ворот рубашки.

— Что там?

Щупальце оставило отметину, похожую на свежий ожог.

— Клеймо.

Я дала мальчишке несколько минут, чтобы пришёл в себя и успокоился. Отошла немного в сторону, подставила лицо пахнущему разнотравьем ветерку.

Я довольна. Гарантии получены, в храм Света Мальс не пойдёт, он же не дурак, чтобы признаваться в государственной измене и подставлять не только себя, но и всю свою семью. А если и решит, Тьма присмотрит. Я потянулась всем телом. Опять же, Мальс сын купца, а на возрождение культа понадобятся деньги. Брать у мальчишки для своих нужд не стану, мне разбойников хватит, но на общее дело путь жерт-

вует. Знакомства и связи тоже пригодятся. Удачно получилось, очень удачно. Я обернулась. Мальс медленно поднимался, покачнулся, ухватился за ствол ближайшего дерева, сглотнул.

— Пойдём, провожу.

Нежить я добродушная, но помощь предложила не из сострадания, а сугубо из корыстного интереса. Хочу знать, как Мальс отреагирует: примет или шарахнется? Если второе — плохо. Мальс вяло кивнул. Вернуться к костру ему хотелось больше, чем избежать моих прикосновений. Отлично!

— Мальс, — начала я сходу, буквально таща его за собой, — главный праздник Тьмы — самая длинная ночь в году. Второй праздник — ночь Возвращения. Как не сложно догадаться, это первая ночь, когда световой день начинает укорачиваться. Ты будешь должен обратиться к богине и пролить в её честь кровь. Ничего сложного.

— Две ночи, обратиться, пролить кровь. Понял, — парень реагировал вяло, но соображал.

— Ты должен проделать то же самое ещё три раза в год, ночь по твоему выбору.

— Всего пять раз, — подсчитал Мальс.

— Да.

— Хо-ро-шо.

Я мысленно фыркнула. Ещё бы.

Костёр на поляне догорал. У Мальса при виде затухающих язычков пламени второе дыхание открылось. Парень рванул

вперёд, подбросил сушняк. Огонь запылал веселее. Я снова фыркнула, на сей раз вслух. Мальс обернулся.

— Какие у тебя ближайшие планы?

Парень пожал плечами:

— Добраться до города, — и, спохватившись, с опасением уточнил. — Вы против, госпожа?

Я бросила ему кошель главаря разбойников, оставив себе несколько монет.

— Иди. Наверное, тебе стоит попытаться прибиться к обозу.

— А вы, госпожа? Простите.

— Я пойду прямо сейчас. Мне не нужен отдых. Заодно дорогу почищу, поем, разбогатею.

Мальс сглотнул.

— Удачи, — пожелала я и отступила в тень.

Думаю, мы ещё свидимся, но пока нам не по пути.

Город, жди. Я иду. Правой-левой, топ-топ, день, ночь, ещё одни сутки прочь. Мальс был прав, в нашей глуши тихо и спокойно. За время пути я несколько раз замечала крестьян, идущих в город или возвращающихся домой, и ни одной шайки. Попался разбойник-одиночка, ещё более нищий, чем я — сплошное разочарование. Хоть бы в городе повезло. Я начала осознавать то, о чём раньше не задумывалась. Я решила найти предателя Гориса — хорошо, правильно. А как искать? Обойти трактиры, потолкаться среди купцов. Как же мало! Впрочем, волноваться рано. Присмотрюсь, принюха-

юсь. Других вариантов всё равно нет. Я раздражённо цыкнула.

Недалеко от города я вышла-таки на тракт. Одинокая путница — зрелище само по себе странное, а уж если путница появляется из леса, в котором ей делать совершенно нечего… Нет, незачем. Пойду, как все, по дороге. И лучше бы мне к кому-нибудь прибиться, но не к кому. Ладно, справлюсь.

Деревья, наконец, расступились, я пересекла открытое пространство и, чуть присев, поклонилась стражам на воротах.

— Доброго вечера, уважаемые.

Усталый усатый стражник прошёлся по мне равнодушным взглядом, но пропускать не торопился.

— Кто такая? Откуда и куда? Почему одна?

Ответ я продумала:

— Тона, уважаемый. Я, — склонить голову, показать очаровательную ямочку на щеке, — горничной служила у…, — у кого именно говорить не стала, промычала невнятно. — На меня молодой господин глаз положил, а я девушка честная! Сбежала, пришла в поисках работы.

Обычная история. Почти. Служанки скорее порадуются высокому вниманию и дорогим подаркам. Страж тоже так подумал и подозрительно прищурился. Я хлопнула ресницами, длинными чёрными и густыми как у бабушки.

— Проходи.

И не сомневалась. Вру я или нет, в первую очередь в глазах стража я девушка, и либо страж пропустит меня в город, либо по его вине мне придётся ночевать в лесу на голой земле. Да и, кроме подозрений, причин не пускать меня у него нет.

— Благодарю, уважаемый, — я снова легко поклонилась и неторопливо миновала ворота, словно давала стражам шанс передумать и завернуть меня восвояси. Эх, вояки, пустили в город тёмную тварь. Лопухи. Я облизнулась, осознав, сколько вокруг меня живых вкусностей.

Остаток вечера я бродила по городу, отмечала трактиры и постоялые дома, размышляла. Я знаю, что Горис отправил на ярмарку жену, сына, невестку. Остановиться в «Белом пионе», где когда-то поселялись мы семьёй, они не могли — дорого. Чуть дешевле, но всё равно дорого в заведениях, принимающих купцов. Кабаки городского дна тоже отпадают. Остаётся всего пяток мест. Начну с тех, где можно не только поесть, но и переночевать.

Когда окончательно стемнело, я вошла в ближайший трактир из моего списка, обежала полутёмный зал взглядом. Добротные, загрязнившиеся к концу дня столы, бревенчатые стены, из украшений — только вязанки лука. Мельтешит сбивающаяся с ног разносчица. Ей бы напарницу, но хозяин, видимо, экономит. Никто не буянит, только в дальним углу двое набираются.

И снова проблема. Просто так про Гориса мне никто не

скажет. Трактирщика можно либо напугать, либо подкупить, и ни то, ни другое мне не подходит. Впрочем, к чему лишние трудности заранее придумывать? Я направилась прямиком к хозяину заведения, полному щекастому мужчине, которому умеренность в еде явно пошла бы на пользу.

— Добрый вечер, уважаемый.

Я нежить вежливая.

— Ночь, — буркнул он, ни капли не заинтересовавшись.

— Ночь, — согласилась я. — У меня срочное сообщение для вашего постояльца.

Я назвала примерное время заселения и имена членов семьи предателя.

— Ничем не могу помочь, — разочаровал трактирщик.

— Не можете безвозмездно, или он остановился не у вас? — в лоб спросила я.

— Ничем не могу помочь, — угрюмо повторил трактирщик.

Я отстала.

Когда я говорила, я прислушивалась к своему чутью. Уверена, если бы мужчина узнал в моём описании своих постояльцев, он бы это как-то выдал. Не обязательно жестом — сбившимся пульсом, движением ног, скрытых от меня стойкой. Но напрягся трактирщик только тогда, когда я стала напирать. Пожалуй, мне стоит успеть обернуться за одну ночь и покинуть город до того, разойдутся слухи и мной заинтересуются. Самостоятельная самоуверенная девица, которая

к тому же что-то ищет, не может не вызывать интерес определённого круга личностей. Хотя… Можно рискнуть, позволить слухам разойтись, дать больше поводов для сплетен, дождаться, когда любопытные господа найдут Гориса вместо меня, и прийти на всё готовенькое. Нет, слишком рискованно, пойдёт как запасной план. Я отправилась дальше.

Второй, третий, трактиры тоже не порадовали. Ни Гориса, ни его семьи. Я не унывала. Не сдамся, даже если придётся перерыть весь город. Время перевалило за полночь, когда я добралась до «Кусачей собаки». Я вошла в очередной едва освещённый зал и споткнулась о храпящее, издающее винное зловоние, тело. Подобрав юбку и брезгливо перешагнув «бревно», я подошла к стойке и негромко побарабанила костяшками пальцев. Нет ответа. Я стукнула по дереву ладонью. Нет ответа.

— Эй, хозяин! — рявкнула я.

Из подсобного помещения высунулся заспанный мальчишка лет десяти. Увидел меня, моргнул.

— Г-госпожа?

Я мило улыбнулась:

— Доброй ночи. У меня срочное послание для…, — я повторила привычную тираду. Семья, заселилась, имена, внешность.

Пока мальчишка сонный, может сболтнуть лишнее, но ребёнок оказался не так прост. Выслушал, покивал и пожал плечами:

— Не велено, госпожа, про постояльцев говорить.

Использовать денежный аргумент? Не-а.

— Так не говори, — предложила я. — Просто позови Гориса.

Мальчик нахмурился.

— Ты учти, — продолжала я миролюбиво. — Я-то подожду до утра, но своему господину объясню, из-за кого задержка вышла.

Мальчишка подкинул на ладони мелкую монету. Я намёк проигнорировала. Не буду платить.

— Хозяин встанет, вот с ним и разговаривайте.

Я пожала плечами и покинула трактир, мимоходом пнув «брёвнышко» у входа. На секунду храп прервался. Ушла я не с пустыми руками, а с информацией, мальчик сам не понял, сколько важного выдал. Во-первых, намекая на деньги, он явно дал понять, что что-то знает. Вряд ли спросонья мальчишка врал. Допустим, я даю ему щедрое вознаграждение. Дальше? Он либо рассказывает нечто полезное, либо огребает по ушам. Во-вторых, отказавшись передавать сообщение сразу или подняться рассказать обо мне Горису, он дал мне ещё одну подсказку. Горис с семьёй съехал. Некому передавать. Впрочем, доверять догадкам, я не собираюсь.

Массивная входная дверь закрылась, и я осталась стоять у стены, прислушиваться. Вот мальчик вернулся в подсобку, никуда не побежал, докладывать никому ничего не стал, разговор с хозяином отложил до утра, лёг. Хо-ро-шо.

В отличии от него я ждать не стала, обошла трактир, убедилась, что зрителей нет, скинула платье, ещё порвать не хватало, и быстры вскарабкалась по водостоку на третий этаж. Ставни умные люди запирают изнутри, внутрь не пробраться. Но ведь мне и не надо. Я снова почувствовала прилив хищного азарта, дотянулась до ближайшего окна и рявкнула:

— Горим! Пожар! Спасайся, кто может! Пожар! Пожар!

И съехала вниз, едва не ободрав кожу.

Мой крик подхватили. В трактире забегали.

— Пожар!

— Пожар!

Я спокойно оделась, вернулась на улицу, и притаилась в тени соседнего здания, приготовившись наблюдать. Из трактира уже выбегали первые постояльцы. Услышав страшное слово, люди выскакивали, в чём были, прихватив лишь самое ценное. Скоро они поймут, что никакого пожара нет. Кто-то увидел слишком яркий кошмар, закричал, крик приняли за чистую монету. Бывает. А может, кто-то зло пошутил. Тоже бывает. Переполох уляжется, но к тому времени я увижу всех-всех. Как я и предполагала, ни Гориса, ни его родни в трактире не оказалось.

Сейчас с хозяином поговорить? Он разбужен, зол и занят. Значит, утром. Я отступила глубже в тень, развернулась и зашагала к последнему из списка заведению, в котором бритоголовый детина лет тридцати, широко зевая, уверил, разыс-

киваемых мною постояльцев у них никогда не было. Зевал он настолько искренне, что причин не верить у меня не было.

Я вновь вернулась на улицу. Итак, утром — к трактирщику. До утра ещё часа полтора-два в запасе. Распорядиться ими желательно с умом.

Мои размышления прервали самым бесцеремонным образом. Из проулка змеёй выскользнул мужчина в тёмном и двинулся мне наперерез. Я его заметила, но виду не подала. Еда сама идёт в руки? Ням-ням.

— Девушка одна? Девушка нуждается в помощи?

— Благодарю за заботу. Всё хорошо.

Я улыбнулась и мысленно облизнулась.

— Я провожу, — заявил мужчина тоном, не терпящим возражений.

— Вы так любезны. Мне нужно в «Кусачую собаку», но я, кажется, заплутала.

— Да, точно. Заплутали.

Наверное, он подумал, что я дура. А я подумала, что это он дурак. Моя вкусняшка отведёт меня в тихое спокойное место, я перекушу. Уж что-что, а понять, что мы от спрошенной мной «Собаки» удаляемся, я могу.

— Траш! — я сбилась с шага и остановилась.

— Что? — опешил провожатый.

Приличные девушки не ругаются, даже если им сундук на ногу уронить.

— «Траш» говорю.

Огонь развести нечем. Куда я труп дену и как ликвидирую следы?! Ранний завтрак отменяется. Проклятие! А как? Просто так убить? Головой об стену приложить? Не могу — всё равно что в лютый голод свежий хлеб выбрасывать, потому что в буханку волос пекаря попал.

— Извини, приятель, нам дальше не по пути, — вздохнула я.

По голове тюкнуть всё-таки пришлось, иначе бы он не отстал. Мужчина распластался на дороге. Через минуту или две очнётся. Череп крепкий, била я слабо, можно сказать, нежно. В общем, дёру! Я быстро свернула в проулок, попетляла. Чутьё прекрасно подсказывало, где живые и с какой стороны их лучше обойти. В конце концов я забралась на приземистой здание с плоской крышей и пошла верхом. Небольшое приключение скорее развлекло, чем расстроило, хотя обидно отказываться от добычи.

Я не задумывалась, куда иду, и само собой получилось, что вернулась к трактиру. Хм… Кажется, даже нежити требуется отдых. Мёртвое тело готово работать дальше, я по-прежнему сильна и быстра, но усталость давит на сознание. Хочется лечь и полежать в тишине, позволить мыслям свободно течь, расслабиться. Собственно, а почему нет? Я вскарабкалась по водостоку, на сей раз прямо в платье, угнездилась на крыше, откинулась на спину, раскинула руки и уставилась в чёрный небосвод с бриллиантовой россыпью звёзд. Тьма, как же мне хорошо.

Глава 4

Восточный край небосвода окрасился в розовый. Я перевернулась на живот. Как я успела убедиться, солнце не жжёт, не вредит, даже не вгоняет в сонливость, но раздражает. Повалявшись всласть, я ощутила себя готовой к новым свершениям. Я плавно поднялась, потянулась. Внутри что-то подозрительно хрумкнуло. Я прислушалась. На улице никого, живые спят. Самое время спускаться на землю.

Я подгадала, и в трактир вошла, когда хозяин закончил завтракать. Сытый значит благодушный. Кучерявый, как баран, толстый, как бочка, мужчина промокнул салфеткой лоснящиеся жиром губы, заметил меня.

— Госпожа? Как вы прошли сюда?

— Ваш охранник отвлёкся.

Уточнять, что отвлёкся он на устроенный мною шум, не стала, зато улыбнулась, тщетно изображая безобидность. Трактирщик не поверил, но и звать на помощь никого не стал.

— Чем могу быть полезен столь очаровательной особе?

Не спрашивая разрешения, села за стол, подперла кулаком подбородок и в упор уставилась на трактирщика. Надо честно признать, что я «засветилась». Мой несостоявшийся ранний завтрак, очнувшись, наверняка пошёл к своему хозяину и рассказал о странной девице, прихлопнувшей его с

одного удара. В городе заговорили про странную гостью. И выхода у меня два: либо выследить и убить всех сплетников, либо подтвердить слухи, но дать намёк, что я вполне живая нелюдь. Допустим, я не слишком умелая наёмница.

— Жить хочешь? — буднично спросила я трактирщика. — Видишь ли, с деньгами у меня туго, поэтому заплатить за информацию я не могу, вот и приходится прибегать к грязному шантажу.

Мужчина понял меня абсолютно правильно.

— Что угодно госпоже?

— Ваш постоялец, — я в сотый, наверное, раз обрисовала задачу.

Трактирщик нахмурился. Видимо, ожидал иного.

— Да, были здесь такие. Парень с женой и матерью. Жили довольно долго. Дней семь или восемь назад появился их отец, и ещё через день они все съехали. Люди самые обычные, а вот папаша Горис гнилой. Нервничал, боялся преследования, явно натворил что-то нехорошее. Обычно я в своих впечатлениях не ошибаюсь. Опыт, госпожа.

— Верю.

Трактирщик не лгал. Я следила. Да и зачем? Горис ему не брат, не сват.

— Куда съехали?

— В тот день от нас только один караван уходил, на Озет.

— Благодарю, уважаемый, — я поднялась из-за стола. — Вы мне очень помогли. Всего доброго и успеха в делах.

Мужчина не ответил, настороженно наблюдая за мной. Я спокойно повернулась к нему спиной и вышла из кухни. Если бы трактирщик дёрнулся, я бы успела уклониться от удара. Позавтракала бы. А огонь? Так печь кухарка давно затопила. Умный трактирщик остался сидеть. Но на всякий случай я поспешила покинуть «Кусачую собаку» и убраться подальше. Насвистывая незатейливый мотивчик, я шла по просыпающимся улицам и старалась держаться теневой стороны. Солнце раздражало.

Всё складывается удачно. Сейчас я расспрошу про караван на Озет, и мне даже угрожать не придётся, достаточно соврать, что ищу попутку. Интересно, Мальс где? Он бы мне пригодился, но и без его помощи я прекрасно обойдусь. Единственное, что меня беспокоило — утекающее сквозь пальцы время. Горис уехал больше пяти дней назад. Едва он выберется из нашего глухого края, он затеряется на просторах королевства, и след потеряется. Нельзя этого допустить, а значит, мне предстоит гонка.

Я зашла на ярмарку «с тыла», где в беспорядке сгрудились обозы, телеги, суетились караванщики. И неожиданно для себя приметила своего ночного недобитка. Ух ты! Сегодня мне определённо везёт! Я, маскируя хищный оскал, растянула губы в радушнейшей из улыбок и рванула недобитку наперерез. Мальчик, не вздумай от меня прятаться! Недобиток меня заметил, остановился как вкопанный.

— Доброе утро, любезнейший. Вчера я забыла поинтере-

соваться, вы хотели подзаработать деньжат, продав меня какой-нибудь мамаше с улицы красных фонарей, или подарить своему хозяину?

Благородной девице знать про красные фонари не положено, но бабушка считала иначе и щедро делилась знаниями о жизни. Про бордели бабуля рассказала мне аккурат после моего провалившегося побега в дом разврата — будучи крайне любопытным ребёнком, я захотела своими глазами посмотреть на ночных бабочек, ведь в книгах о природе об этих удивительных созданиях я не нашла не слова.

— Г-госпожа?

— Я, любезнейший, на вас обижена. Вы ведь хотите загладить вину?

Рассказать про Гориса и отправить собирать информацию? Недобитку с его возможностями это легче, чем мне. Нет, обойдётся.

— Хочу, — представитель преступного сообщества быстро взял себя в руки.

— Я возьму дёшево, — заверила я. — Отделаешься подробной картой королевства в целом и отдельно — столицы, — зачем мне столица не знаю, но интуиция говорит, что пригодится.

— А не слишком ли ты борзая?

Осмелел недобиток. Я чуяла, как нас окружают, поэтому подалась вперёд — схватить за шею, немного сжать, отпустить. Придушенный недобиток кулём свалился на землю и

захрипел.

— Я буду говорить с главным, — повысив голос, сообщила я встрепенувшимся бандитам.

М?

Из-за повозки выскользнул неприметный человек и с лёгким поклоном сообщил:

— Петух готов встретиться с вами, госпожа.

Петух местный преступный лидер? Вряд ли он глава, но и не последний в этом птичнике.

— Я рада, — ответила я и последовала за проводником.

Далеко идти не пришлось. Меня привели в кабак, расположившийся в полуподвальном помещении. Грязный, так и не убранный с ночи зал пустовал, если не считать группу забулдыг, расположившихся за длинным столом у стены. Веснушчатый парнишка лет шестнадцати играл с коротким острым ножиком, виртуозно пропуская его между пальцами. Нищенка в дранье что-то шёпотом рассказывала внимательно слушающему её соседу. Из компании выделялся только один человек. Он сидел со всеми, но в то же время был сам по себе. К нему я и обратилась.

— Здравствуй, Петух.

— И тебе не хворать, — ссутулился он ещё больше.

Не ко двору пожелание, но я лишь благосклонно улыбнулась.

— Не боишься? — спросил он внешне равнодушно.

Кого? Юркнуть под стол, спасаясь от арбалетов, и выпить

всех, до кого дотянусь, я успею. Дальше будет игра в салочки. Кого ладонью хлопну, тот ссохшимся трупиком и падает. Устрою пир, от души напьюсь жизненных сил. Бояться надо нелюдей, жрецов Света. Впрочем, осторожность никогда не помешает.

К Петуху я пришла не ради карты королевства, и не из желания подёргать за клюв. Логика простая. Если окажусь в крупном городе, а, вероятнее всего, это неизбежно, я должна буду чем-то питаться. На закуску пойдут убийцы, насильники, воры — самый сброд. А значит, рано или поздно, но скорее рано, преступное сообщество облюбованного города мной заинтересуется. Сейчас я на экскурсии, готовлюсь к предстоящему.

— Нет, не боюсь. Скорее я достану тебя, чем меня три твоих косоглазых арбалетчика.

Ой, как аппетитно дёрнулась на шее жилка!

— Вы так уверены в себе? — Петух перешёл на вежливый стиль общения.

— Меня хорошо готовили, — между прочим, так и есть, богиня от и до передала моё тело, да и сознание подправила.

— И что вы здесь ищете?

— Кого. Этот человек уже уехал, и я отправлюсь следом ещё до того, как наступит полдень. Если же ваш вопрос трактовать более узко, то здесь я потому что обижена на вашего человека. Он так и не признался, что именно хотел сделать, но что-то очень плохое.

— И чтобы не быть в обиде…?

Петуху подали два свитка, подозреваю, запрошенные мною карты.

— Согласен, Борри не был вежлив, а каждый имеет право на самозащиту.

На краю стола заворчали. Суть ворчания сводилась к тому, что с девкой церемониться не следует, у девок прав нет, и вообще есть только одно право — право силы. В решении Петуха вслух усомнилась обделённая умом гора мышц. Ой, что будет…

Петух даже бровью не повёл:

— Если гостья считает себя равной нам, то не откажется выйти с тобой в круг, Дубина.

Говорящая у горы кликуха.

— Я. С бабой?!

— Замолчи или покажи ей её место. Леди, вы ведь не откажетесь?

Я поморщилась, скрывая досаду из-за непредвиденной задержки. Хотя… Петух покажет на карте, как идут караваны, а четверть часа меня не спасут.

— Конечно, — улыбнулась я как можно невиннее.

Дубина уже поднялся и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Мои ужимки прошил мимо его сознания, зато достигли адресата — Петуха.

— Оружие запрещено, — объявил тот.

— Убийство? — деловито уточнила я, прикидывая, куда

лучше бить.

— Нежелательно.

Мне уже нравится: Дубина может отдубинить меня до смерти, и ему за это ничего не будет, а если то же самое в отношении противника сделаю я, то Петух обидится. Сильно обидится. Я мысленно фыркнула, но вслух говорить ничего не стала. Об убийстве я спрашивала больше из любопытства и чтобы «прощупать почву». Портить отношения с Петухом не в моих интересах, поэтому Дубина останется жив. К тому же с безмозглым мясом не воюю — мелко.

Я вместе со всеми вышла на задний двор, прошлась взглядом по утоптанному кругу, покосившемуся, а местами и вовсе провалившемуся забору, сляпанному на скорую руку сараю, поленнице криво сложенных дров. Втянув воздух, почуяла старую кровь. На этом дворе и калечили, и убивали, и, возможно, пытали.

Дубина первым вышел в круг, поиграл мышцами под одобрительные выкрики. Зрители взяли нас в кольцо.

— Госпожа передумала? — с ноткой предвкушения уточнил Петух.

Я молча сделала широкий шаг вперёд и поманила Дубину пальцем. Не дождётесь, не передумала. Детина взревел как бык и послушно бросился на меня. Действительно, почему он не Бык? По уму до копытных не дотягивает? Бык, бык… Что-то в этом есть. А, точно! Поднырнуть, уцепиться за предплечье, оттолкнуться от земли, другой ногой упе-

реться в поясницу противника и молниеносно забраться на широкие плечи.

И вот я уже верхом. Да здравствуют дикие скачки! Дубина крутанулся на месте. Я удержалась. Зрители взревели от восторга. Тьма, как же в платье неудобно!

— Предлагаешь мне переделать юбку в брюки? — ехидно отозвалась богиня.

— Нет, — выдохнула я.

Дубина закрутился волчком. Я вцепилась ему в волосы. Фу, сальные. Он заорал, попытался стряхнуть меня. От протянутых лапищ я уклонилась. И снова уклонилась. Минута моя.

Дубина решил стряхнуть меня иначе — покататься по земле. Ну-ну. Я просто спрыгнула и отскочила, а Дубинушка даже не сразу это заметил. Зрители хохотали. Пожалуй, можно заканчивать. Дубина поднялся, хрипло выдохнул, глаза кровью налиты. Говорю же, вылитый бык.

Он снова кинулся на меня, я вновь ускользнула, проскочив под его рукой, поставила подножку и, когда бугай заваливался, с локтевого замаха приложила его по затылку ребром ладони. Он свалился и больше не шевелился. Пульс и дыхание я слышала, поэтому мысленно похвалила себя, отряхнула подол и повернулась к Петуху.

— Госпожа, я очарован.

— Благодарю.

Дубину уже осматривали. Веснушчатый парнишка, когда

я пришла, игравший с ножиком, отчитался:

— Жив, оклемается, — и значительно тише добавил. — С его-то черепом.

Я услышала.

Петух благосклонно кивнул, и в то же время напрягся. Я показала, что далеко не безобидная, и совладать со мной будет непросто. Здравое опасение.

Тем не менее, как ни в чём не бывало мы вернулись в кабак, больше желающих вызвать меня в круг не нашлось. Петух пригласил меня за стол. Я приняла приглашение, но намекнула, что успела сытно позавтракать. Пища живых мне ни к чему, ещё не хватало, чтобы у меня в желудке хлеб плесневел. Петуху намёк не понравился, но он стерпел — я бросила второй намёк, что тороплюсь, и так изрядно подзадержалась из-за круга.

— Что же, госпожа, Борри передаёт вам свои самые искренние извинения.

Передо мной легли свитки. Я быстро развернула один, второй — карты, как я и просила. Хорошо.

— Мы…?

— Здесь, — Петух постучал по карте обломанным ногтем с чёрной каймой.

— Озет?

— Вот. Ваш человек отправился туда? Вы опоздали, госпожа. На Озет караваны идут раз в несколько дней, последний был вчера, — в голосе послышалось отчётливое злорад-

ство.

Я отмахнулась:

— Я отправлюсь одна. Покажите мне, пожалуйста, маршрут.

Петух окинул меня недоверчивым взглядом, но свои мысли оставил при себе.

— Было бы что показывать, — пожал он плечами. — Вот тракт, на каждый дневной переход трактиры. Всего десять переходов. Ни свернуть, ни заблудиться. Вдоль тракта сёла, деревни, усадьбы помещиков раскиданы. Места глухие.

— Если сойти с тракта, пешком до дороги на другой город добраться можно?

— Вряд ли, — серьёзно ответил Петух. — Если бы за мной шёл хороший следопыт, я бы в Озет бежал, а не болота топтал.

Не врёт. На что решится Горис, сложно предполагать. Предательства от старика я не ждала. Успокаивает одно — Горис не ждёт погони, ведь он лично убедился, что и я, и родители мертвы. Сейчас он просто уходит от места преступления.

— Благодарю за помощь, — я поднялась, не забыв прихватить свитки. — Вряд ли свидимся, Петух. Прощайте.

В зал ввалился прочухавшийся Дубина, уставился на меня мутными глазками. Эк, его приложило. Кажется, перестаралась. Я равнодушно отвернулась и поспешила к выходу.

— Нет, — услышала я, как Петух остановил кого-то дёр-

нувшегося за мной.

Правильно. Умный. А впереди меня ждут ещё более умные, хитрые, опасные враги. И сладить с ними мне будет очень-очень непросто. Учёба кончилась, едва начавшись.

Я покинула город, пристроившись «в хвост» веренице тихоходных крестьянских телег — ни к чему давать стражам повод задавать неудобные вопросы, пусть думают, что я в ближайшее поместье ещё до вечера доберусь и буду в безопасности. Ха! Пока самое опасное существо в округе я. И моя задача вовремя заметить, когда это станет не так. Жрецам я на один зуб. Осторожнее надо. Пора притушить самоуверенность.

Телеги вползли в лес, скрывший нас от взглядов стражи. Я поправила перекинутый через плечо узел и сбавила шаг. Придётся потерпеть ещё немного. Сначала приотстану, потом, когда кустарник станет гуще, шмыгну в лес. Крестьянам до меня дела не было, в попутчицы я не напрашивалась, присматривать за мной никому из них в голову не пришло. Даже не обернулись.

Время. Время утекает сквозь пальцы.

Я прислушалась. Живые впереди, сзади — никого. Я метнулась за деревья и лёгкой трусцой припустила от дороги прочь. Пару сотен шагов, наверное, хватит, не следует терять из вида тракт.

На ярмарку я шла по прижизненной привычке — на большие расстояния ездят, когда нет возможности взять транс-

порт, идут, но никак не бегают. Надеюсь, ошибка простительная, и мне удастся исправить последствия. Тьма не пощадит…

Я развернулась на Озет и припустила со всех ног.

Почувствуй себя болтом, выпущенным из арбалета. Мёртвое тело не устанет, не подведёт. Казалось, я лечу. Толстые ели убегают назад, мох мягким ковром ложится под ноги и пружинит. Ельник сменился светлым сосняком, постепенно лес стал смешанным. Я перепрыгнула блеснувший на солнце ручеёк. Быстрее, быстрее. Широкая поляна, снова чаща. Я проломилась через малинник. Быстрее!

День, ночь.

Сколько времени потеряно? Прислушивающаяся ко мне Тьма рассмеялась.

Наступил новый день.

Глава 5

Петух не обманул: сворачивать с тракта некуда. Я бежала, огибала немногочисленные деревни и ни разу не остановилась. Мелькнула мысль зайти на постоялый двор и расспросить про караваны, но лишнего следить ни к чему. Сначала попробую догнать так. Караван, который вышел за день до меня, я обогнала, а значит, следующим на дороге должен быть мой. Вот я и бежала стремглав, и, что уж таить, наслаждалась запредельной недоступной живым скоростью и свободой.

Так бы и закричала:

— Да! Да! Этот мир мой!

Но шуметь нельзя.

Упиваясь одиноким бегом, я не сразу поняла, что чую живых. Кто посмел вторгнуться и сбить настрой?! Ах, да, скорее всего это караванщики. Я замедлилась и осторожно приблизилась к дороге. Прислушалась, принюхалась, попробовала воздух на вкус. Действительно, караван. Я рискнула вскарабкаться на дерево. Вряд ли меня заметят, зато появится обзор, смогу рассмотреть обозы, охрану и увидеть, что на одной из телег с семьёй сидит…

— Горис-с-с ш-а-ш-ш.

Шипение вырвалось из горла непроизвольно. Я подалась вперёд и поймала себя на том, что готовлюсь к прыжку. Ай-

ай, голову терять нежелательно. Я резко отвернулась, мысленно досчитала до тысячи, а потом от тысячи до нуля, мягко спрыгнула с дерева. Вернуть удалось только подобие спокойствия, но хоть размышлять могу относительно здраво.

Солнце сияет на небосводе, все девять постоялых дворов остались за спиной. Стало быть, ещё несколько часов, и караван прибудет в город. Успела, что называется, сесть на хвост в последний момент. Порыв немедленно атаковать в открытую я задушила в зародыше.

— Горис, — с губ вновь сорвалось шипение.

Кажется, я ошиблась — главное испытание, уготованное мне Тьмой, не исполнение проклятия, а обуздание инстинктов. Пойду у них на поводу — превращусь в бессмысленную, безмозглую вечно голодную тварь. Что же, поборемся и с инстинктами.

Я нашла в себе силы следовать за караваном на расстоянии. Если уж по уму, то Горис никуда от меня уже не денется. Лучше поучусь терпению и самоконтролю.

Вскоре впереди показались крепостные стены и я решительно обогнала караван, первой вошла в Озет, скормив стражам всё ту же историю, про бедную честную девушку-горничную, не желающую развлекать своего нанимателя в спальне. Мне не поверили, но за ворота пропустили, что и требовалось. Нырнув в ближайший проулок, я досадливо цыкнула, рассмотрев, как сильно пропылилось платье. Что мне стоило потратить пару монет и купить походное дешё-

вое? Впрочем, ладно. Будут ещё разбойники — будут и платья. Уже не жалея загубленный наряд, я присела на корточки, втиснувшись в щель между приземистыми, похожими на складские зданиями. План прост: дождусь Гориса, прослежу, улучу момент и сначала дружелюбно задам пару вопросов о скрывавших лица личностях, столь опрометчиво пущенных им в дом. Почему опрометчиво? Потому что предательство не останется безнаказанным.

Я окончательно взяла себя в руки и начала мыслить трезво, хотя скорый срыв неизбежен — жажда разгорается с каждым мигом всё жарче, и этот костёр лучше тушить самой, чем потерять контроль в самый неподходящий момент. Ничего, до вечера потерплю, а ночью выйду на охоту. Я непроизвольно облизнулась.

Ждать пришлось не больше часа. Я их почуяла: Гориса, его жену, сына с невесткой. Упс, и ещё не рождённого внука. Это было как удар под дых. Я словно с размаху налетела на невидимую стену, хотя по-прежнему сидела, забившись в щель. Будущую мать я не трону. Я даже перестала воспринимать её как еду, хотя жизненных сил в молодой женщине раза в полтора больше, чем в окружающих. Неприкосновенна.

Я выбралась из своего укрытия и поплелась следом, выдерживая небольшое расстояние, чтобы не заметили. Может, развернуться и уйти? Нет, это минутная слабость. Или побочный эффект прозрения. Не существует врагов и корма, как мне казалось раньше, есть живые со своими горестями,

радостями, со своей судьбой. Впрочем, прозрение не повод возвращаться в могилу. Не-а, не дождётесь. Я тоже жить хочу. Просто теперь мне будет сложнее.

— Девушка-красавица, не ты ли потеряла?

Ко мне подскочил рыжий конопатый парень и продемонстрировал в ладони бусы из красных кое-где потрескавшихся шариков. Дерево и краска — серьёзно?

— Не я.

— Ты с караваном пришла? Можешь у меня остановиться, — не отставал парень.

До меня дошло, что бусы мне предложены в качестве платы за нескучный вечер. От скуки я избавить, конечно, могу, но парню мой способ развлечься, уверена, не понравится.

Я покачала головой.

— Гордая что ли? Таким видным мужчиной брезгуешь? — с угрозой в голосе спросил рыжик.

Вот поэтому одиноких девушек на дорогах почти не бывает.

Я расхохоталась:

— Да какой ты мужчина? Сопляк!

— Что?! Да ты…

Он замахнулся. Повоспитывать, что ли? Кажется, кто-то хотел вмешаться. Не успел. Я перехватила рыжика за запястье, вывернула руку ему за спину. Парень заорал. Тоже мне, мужчина. Весь из себя грозный, а из-за небольшой боли верещит, как резаная порося. Я довела рыжика до бли-

жайшей канавы с нечистотами и, придав ускорение пинком, окунула. Точнее, просто отпустила и оставила барахтаться в неглубокой луже.

Настроение улучшилось, я отряхнула руки, покосилась на хохочущих зрителей. Если так дальше пойдёт, из страшной нежити превращусь в клоуна. Фу, позор. Я поторопилась вслед за Горисом. Вывернув на следующую улицу, я успела заметить, как семейство скрывается в трактире. Ну а не заметила бы, так почуяла бы. Вскоре они вышли и отправились в другой трактир, потом третий. Ага, видимо, ищут подешевле.

Устроило Гориса пятое заведение. Я оценила: из общего зала несёт кислым, а с кухни — тухлым. Как по мне, лучше на улице ночевать, чем в таком клоповнике, но моё мнение никто не спрашивал, поэтому я устроилась неподалёку от трактира и приготовилась ждать. И сам Горис, и особенно женщины, наверняка устали с дороги. Сейчас они пообедают, потом поднимутся в комнаты. Дадут ли им одну на всех? Возможно.

Вечерело. Над Озетом сгущались сумерки. Предвкушение перегорело. Я просто сделаю то, что должно — я, глядя предателю в глаза, спрошу, кого он пустил в наш дом.

Наконец, окончательно стемнело. Пора? В трактир я вошла с чёрного хода. Выбить хлипкий замок не составило труда. Зашлась лаем прикормленная дворняга. Я шмыгнула в проём. Ну и вонь! Хорошо, что мне необязательно дышать,

но мерзкий запах всё равно забивается в ноздри. Я чихнула.

— Траш!

Незамеченной поднялась на жилой этаж. В коридоре никого, из второй слева комнаты доносится характерное пыхтение и тянет отчаянием. Ну да, разносчицы здесь явно не только заказы разносят, но и дополнительно обслуживают. Я прошла мимо. А чем тут помочь? Посадить на свой горб обузу? А почему эту, а не другую? Несчастных много. Если бы я почувствовала желание вырваться и освободиться — вмешалась бы, но разносчица давно смирилась с неприятной работой.

Горис, как я и предполагала, снял одну комнату на всю семью, и меня от них отделяет тонкая деревянная перегородка. Из горла вырвалось тихое рычание. Хищные инстинкты вновь дают о себе знать. Я мотнула головой отгоняя наваждения, а в следующее мгновение бросилась от двери прочь, потому что к ней зачем-то направилась жена Гориса. Я успела скрыться на лестнице, а пожилая женщина всего лишь прошла в общую уборную, расположенную в конце коридора. Так-так. А не это ли удобный момент?

Второй была будущая мама. Я совсем притихла. Не хватало, чтобы она меня увидела и испугалась. Ей волноваться нельзя. Хватит, что из-за Гориса страдать будет. Или не будет?

А вот и предатель. На месте я себя удержала усилием воли. Желание порвать Гориса на части жгло хуже калёного желе-

за, но я держалась. Я это я, личность, а не тварь.

— Неплохо, — одобрила богиня.

Тьма за мной всегда что ли следит?

— Я должна быть уверена, что ты не сорвёшься. Предпочитаю сама уничтожать собственных чудовищ, не дожидаясь жрецов Света.

Ох.

Жёстко, но правильно. Я нежить, и если я не справлюсь, кто-то должен натянуть поводок. Богиня по-детски звонко рассмеялась и пропала. Хм, а ведь это не пустой обмен репликами, Тьма помогла мне взять себя в руки. Спасибо!

Горис уже зашёл в уборную. Я скользнула внутрь вслед за ним, сама захлопнула дверь и даже накинула крючок в петлю. Нечего нам мешать. Старика я несильно прижала к стене, даже не душила, просто рот ладонью зажала, посмотрела в его расширенные от страха глаза и никакой радости не почувствовала. Только тупую боль предательства. Сколько себя помню, Горис был. Да, формально он слуга, но и для меня, и для родителей он был скорее членом семьи, до мозга костей своим, этакий дальний родственник, не вмешивающийся в дела и создающий домашний уют.

— Узнал, — удовлетворённо протянул а я.

Желание вырвать предателю горло вернулось. Если бы не он, родители, возможно, сумели бы спастись. Горис жалко всхлипнул.

— Я сейчас уберу руку, а ты будешь вести себя тихо-тихо.

Да?

Горис промычал утвердительно, и я медленно отняла ладонь. Старик всхлипнул, смолчал.

— Узнал? — повторила я.

— Ю-юн-ная госпожа. Вас же уб-били.

— Да. У меня холодная кожа, и совсем нет пульса, а ещё под грудью есть глубокий разрез прямо до сердца.

Слёзы бесконтрольно потекли по его щекам, Горис всхлипывал и поскуливал.

Надо спросить, кого он пустил, что о них знает, как сговорился.

— Почему ты предал нас, деда Го? — я намеренно назвала его так, как звала в детстве.

Случившегося не изменить, но будет легче, если Гориса вынудили. Шантажировали жизнью сына, жены. Жаль, что он не доверился нам, но это можно понять.

— Три с половиной сотни золотых, юная госпожа.

Зачем? Я ведь надеялась оправдать. Я бы ушла. Я проклинала только троих убийц и тех, кто с ними кровь от крови, плоть от плоти. Горис вне списка! Он — моё личное дело.

— Ты не похож на богача, — я выразительно оглядела грязное зловонное помещение.

— Все деньги на счёте в банке. Я не рискнул снимать в дорогу.

Разумно.

Хватит соплей. Я должна вытащить из Гориса всё, что он

знает об убийцах, а не смотреть на полноводные ручьи слёз, не слушать гулкое биение старческого сердца, не сожалеть о случившемся.

— Кого ты пустил в наш дом?

Горис моргнул.

Траш!

— Расскажи мне. Я уйду и не трону. Ничего никому не сделаю.

Его пульс шарахал всё чаще и громче.

— Юная госпожа, они ничего не знают, — пролепетал старик, — ни сын, ни бабы.

— Я их не трону, клянусь.

А ведь правду сказал. Хоть в них не разочаровалась.

— Ну же, спокойней. Просто поговори со мной, и я исчезну, забудусь, как страшный сон.

Горис всхлипнул. Я открыла кран, зачерпнула пригоршню холодной воды. Вот уж не думала, что буду приводить предателя в чувство. Мне показалось, что вода помогла. Сбившееся дыхание чуть выровнялось, сдавленные рыдания стихли.

— Кто те трое? Мне надо, очень.

— Простите меня, юная госпожа. Я не хотел. Так получилось. Простите. Сам-то я себя теперь никогда не прощу, — каждое новое слово давалось ему тяжелее предыдущего, Горис говорил всё тише. — Простите… Да, моя смерть должна была быть именно такой…

Траш, я больше не слышу пульса! Горис замолчал, глаза

закатились, и он стал оседать.

— Эй, не смей! Не надо, я уже не хочу твоей смерти. Траш!

Я бережно уложила Гориса на пол. Наворотил дел, старый дурак. Тьма, почему я ничего не могу сделать? Пока найду лекаря, будет слишком поздно. Вроде бы могут помочь три нажатия на грудь подряд. Не знаю. Делать, наверное, надо как-то по особому, но хуже уже не будет. Попыталась запустить сердце вновь. Раз, два, три, остановка. Раз, два, три, остановка., Раз, два…

— Шанита, бесполезно. Он умер, — вздохнула на задворках сознания богиня.

Я проигнорировала. Раз, два, три, остановка.

— Шанита…

Я отступила и поднялась с колен.

— Прости, Горис, видит Тьма, я этого не хотела.

Удивительно, в коридоре ещё пусто. Я вышла из уборной, оставив дверь на распашку, сбежала по ступенькам вниз, проскочила обеденный зал, отмахнулась от потянувшегося ко мне пьяницы и вылетела на улицу. Была бы живой — зарыдала бы. Глаза оставались болезненно сухими. Как же так? Что же мне делать?

— Ты сама виновата, — безжалостно заметила Тьма. — У тебя было время на один вопрос, но ты потратила его на редкость бездарно.

Да при чём тут это?! Я завернула в ближайший проулок и

привалилась к стене. Плохо, мне очень-очень плохо.

— Ты провалила свою часть нашей сделки, — продолжала богиня, объявляя мне окончательный смертный приговор.

Глубокий вдох помог привести мысли в относительный порядок.

— Ещё нет, — возразила я. — У меня есть план.

Тьма молча отступила. Благословение богини осталось со мной. Нежизнь продолжается. Превозмогая боль, я улыбнулась. Прости, Горис. Я ускорила твою смерть, хотя не думаю, что, мучаясь содеянным, ты бы прожил долго. Покойся с миром.

Я отлепилась от стены, проверила узел — не потеряла, карты и сменное платье со мной. Что же… Я хотела выследить убийц «снизу», придётся действовать «сверху». Я продолжу поиски в столице, а пока стоит перекусить.

Глава 6

В предрассветном мареве белоснежный королевский дворец казался волшебным миражом. Я разглядывала его, сидя на крыше пустующего особняка, и пока безуспешно решала задачку, как пробраться внутрь архитектурного чуда. Нет, просто войти особого труда не составит. Толку? С наскока взять Его Величество за шкирку, встряхнуть и вытрясти интересующие меня сведения при всём желании на получится. Прибегут гвардейцы, жрецы. Опять же, король может не знать подробностей. Кто именно отдал приказ уничтожить тёмную жрицу и её семью? А кто назначил исполнителей? Действовать придётся с ювелирной точностью и аккуратностью.

Восток заалел, и я с сожалением покинула насиженное место, спустилась в запущенный сад, цепляясь за богатую наружную отделку стен особняка, перемахнула через высокий кованый забор и ушла незамеченной. В пустующем особняке не было даже сторожа.

Я бесцельно прослонялась по центральным улицам столицы почти до полудня. Самое обидное, что общая идея, что делать, у меня была, но как её реализовать я в упор не понимала. В голову ничего не шло. Горничной попробовать устроиться? С улицы не возьмут. Да и какие возможности у прислуги? Вот-вот. Если бы, допустим, требовалось что-то

украсть… Похитить короля? И выяснить, что про убийц он ничего не знает. Угу. Нет, это всё оторванные от реальности фантазии.

— Гляди-ка, светлая невеста, а ты не хочешь, — сказала женщина лет сорока худенькой, бледной, очень похожей на неё девушке моего возраста. Обе выглядели обедневшими дворянками.

— Смилуйтесь, мама, — пролепетала сверстница, опустив голову.

Мимо прогрохотала карета, украшенная живыми цветами.

— Светлая невеста? — переспросила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Как я раньше не подумала? Кажется, я нашла решение.

В особые дни Свет озаряет путь к любви и семейному счастью — звучит бредово, но очень красиво, кто поглупее радостно кушает храмовые враки. На самом деле, это просто один из праздников и день, когда можно хорошо сэкономить на свадьбе. Разжигают костры, прогоняя ночную темень, танцуют до упада, поют, веселятся. А на восходе жрец женит всех желающих. Может быть, кто-то находит любовь, но обычно всё гораздо проще: женихам не нужно беспокоиться о выкупе, невестам — о приданом, не нужно приглашать родню и соседей, кормить, поить, развлекать.

Аристократы тоже празднуют: устраивают балы, вечера, обязательно зажигают свечи. Естественно, на площадях они

не пляшут и с первыми встречными не обручаются, но есть и у аристократов своя «дешёвая свадьба».

Раз в год под патронажем вдовствующей королевы во дворце поселяются прелестницы, которым, кроме юности тела и древности рода, похвастаться нечем. Девушки получают статус светлых невест, и их обязательно пристраивают замуж. Удачно — редко. Чаще девушки достаются седым вдовцам, выслужившимся гвардейцам, придворным, чья репутация настолько плоха, что отцы отказываются отдавать за них своих дочерей. Иногда король, наоборот, вручает светлую невесту в наказание, лишая возможности заключить выгодный брак.

— Тьма, — мысленно позвала я богиню. — жрецы Света смогут определить во мне нежить, если я войду в храм?

— Ты что-то надумала? — последнее время богиня стала доверять мне больше и почти не следила. — Решаемо. Но скрыть отсутствие сердцебиения ты не сможешь.

— Решаемо, — в тон отозвалась я.

Я воспряла и развернулась к ближайшей лавке. Сделала вид, что рассматриваю выставленные в витрине многочисленные пирожные, торты, вазочки со взбитыми сливками, песочные фруктовые корзиночки — лавка торговала сладостями. На самом деле я придирчиво изучала в стекле своё отражение, и оно не радовало. Бабушка обладала яркой привлекательной внешностью, и я пошла в неё. Те же тёмные волосы, синие глаза, фигура в меру пышная, где надо, округ-

лая, талия, напротив, тонкая. Меня слишком легко узнать и сложно не заметить. Придётся поработать.

Фигуру скроет одежда, бледность — румяна, цвет глаз — зелье. Волосы красить рука не поднимется. Представлюсь папиной племянницей, честно скажу, что сирота. С одной стороны, я рискую, а с другой — иначе пропуск не получить.

Я нашла взглядом мать с дочерью, и на небольшом расстоянии последовала за ними, то и дело отвлекаясь на покупки. Во-первых, мне нужна дорожная сумка. Если заявлюсь во дворец с узлом, меня не поймут. Во-вторых, хоть какие-то платья, пусть готовые, а не пошитые на заказ, пусть не по придворной моде, пусть дешёвые. Сменные наряды быть должны. В-третьих, три шкатулки, одна для украшений, другая для румян и парфюма, третья — для всяческих мелочей. Тратила я, не скупясь. Изъятого у разбойников на первое время хватит, я две крупных банды выследила, тайники вскрыла. Ещё мне нужна бумага, чернильница, перо. Я не забывала поглядывать на мать с дочерью, которые тоже занимались покупками, но тратили гораздо скромнее меня, вот и домой они отправились пешком, нанимать экипаж не стали, хотя я видела, что устали. Довела я их чуть ли не до крыльца.

Бросив монетку пробегавшему мимо босоногому мальчонке, я кивком указала на захлопнувшуюся дверь:

— Знаешь их?

Ребёнок сверкнул дыркой на месте молочного зуба:

— Это? Постоялицы домовладелицы.

Так и думала, снимают.

— Имена госпожей ты, конечно, знаешь?

Малец оказался не промах, выразительно прищурился.

— Не слипнется? Столько шоколада в тебя не влезет.

— Я маме отнесу. И не шоколад, а мясо.

Хм. Я отсыпала ещё монет. Не жалко. Мальчик действительно собирался купить еды и отнести семье.

— Даму зовут леди Маэни Ладер, а её дочь леди Лика Ладер.

— Спасибо, мелкий.

Мальчишка сбежал, а я немного постояла и тоже пошла прочь бродить по столице — по запаху искать аптеку, в которой кроме разрешённых лекарств, можно раздобыть зелье, меняющее цвет глаз, и ещё какие-нибудь интересные снадобья.

Я честно призналась себе, что задумка — чистой воды авантюра. В светлом логове только меня и ждут. Или не ждут. Кто заподозрит в светлой невесте восставшую из могилы мёртвую тварь? Вот-вот. Из горла вновь вырвалось хищное урчание. Бойтесь, люди и нелюди — я иду. Жаль, на бег перейти нельзя — стражи остановят, пристанут с расспросами. Я в очередной раз втянула воздух, мысленно продолжая составлять список необходимого и продумывать порядок действий, и чем дольше я размышляла, тем больше мне нравилось предстоящее. Авантюра? Сто раз да! Но шанс на успех высок, и я сыграю. Бойтесь меня.

Из обычных аптек слабо тянуло грозой — именно так для меня пахло благословение Света, которое обязательно должно быть в каждом продаваемом снадобье. Мне повезло через три квартала. Грозой из стоящей на углу аптеки тоже тянуло, но не так сильно. Есть и не одобренные жрецами зелья, иными словами зелья запрещённые. Я обошла аптеку, грохнула кулаком по замку. В отличии от трактирной, аптечная дверь даже не дрогнула, а я обзавелась занозой. Выдернув, крошечную щепку, я придирчиво рассмотрела место укола.

— Траш! — выразилась я.

Во-первых, «заживает» от слова «жизнь», мне это не грозит. Все полученные в шкуре дыры останутся со мной либо до возвращения в могилу, либо до возрождения, и я пободаюсь за второй вариант. А впредь стоит быть осторожней. Большую часть повреждений можно скрыть одеждой, но, увы, далеко не все.

Во-вторых, щепка мне в руку вонзилась на простая, а отравленная. Тяжёлая дверь открылась. Плотно сбитый крупный мужчина, больше похожий на матёрого воина, но никак не аптекаря, окинул меня цепким взглядом.

— Чё надо? — грубо спросил он.

— Капли, меняющие цвет глаз.

— Нет у меня такого. И шла бы ты отсюда, не то страже сдам, — он попытался захлопнуть дверь.

Я поставила ногу и перехватила створку пальцами.

— Страже ты меня не сдашь, потому что неблагословлён-

ными зельями торгуешь только так. Ну не будь букой, продай. Хочу невыразительные карие глаза.

— Невыразительные? — зацепился за подсказку аптекарь.

Да, бука, я не за красотой пришла, я тоже незаконным балуюсь. Сам факт моего существования одна сплошная незаконность. Аптекарь ненадолго задумался и решился:

— Жди здесь.

Я кивнула.

Через пять минут мужчина вынес флакон, цену назвал вполне приемлемую. Надуть решил? Зря. Я резко подалась вперёд, выхватила флакон из его пальцев и, пока он осознавал случившуюся перемену положений, сорвала крышку, понюхала, лизнула и широко улыбнулась:

— Бука, я сейчас это фуфло в глотку тебе залью. И не думай, что яд с двери тебя от меня спасёт. Ну!

Аптекарь побледнел и испарился. Вернулся в считанные секунды, вручил другой пузырёк.

— Оно? — лениво поинтересовалась я, придирчиво рассматривая мутную жидкость на свет.

— Оно.

Не врёт. Я удовлетворённо кивнула:

— Ладно, живи, ведь скоро мне потребуется добавка.

Аптекарь сглотнул. Я отдала ему озвученную ранее сумму, послала воздушный поцелуй и, весело насвистывая, удалилась.

До вечера я закончила с покупками. Можно сказать, я по-

чти готова к штурму дворца. Осталось привести себя в порядок, но перед этим меня ждёт ещё одна ночная вылазка. Тьма выполнила обещание своеобразно: чтобы скрыть свою сущность от жрецов, я должна спуститься в колодец. Пояснять богиня ничего не стала, отделалась туманным «разберёшься, ты же не совсем глупенькая». То есть дурочка, но с надеждой на поумнение. Я вздохнула.

Дорожную сумку, заметно потяжелевшую от резко возросшего количества вещей, я отнесла на крышу пустующего особняка и припрятала у трубы. Схрон откровенно скверный, но на пару часов сойдёт. Сомневаюсь, что найдётся вор, которому приспичит прямо сейчас пошарить именно на крыше, но если такой объявится — ему же хуже. Заодно я перегнулась через край и заглянула в трубу, кроме покрытой гарью кирпичной кладки ничего не увидела. Спускаться не стала — всему своё время.

Я быстро сползла по стене вниз, уже запомнила, за какие выступы цепляться, мягко спрыгнула с метровой высоты и нырнула под прикрытие сада. Я уже собиралась махнуть через забор, когда услышала шум. Не поняла юмора. Пришлось вернуться и забраться под куст из неколючих и раскидистых. На западе догорает закат, в саду темно. Единственное, что может выдать меня — белая кожа. Но если ладони спрятать под себя, а лицо прикрыть волосами — не рассмотрят. Я замерла, даже дышать прекратила.

Над крыльцом вспыхнул фонарь. Значит, хозяин явился.

Не мог попозже?! Вообще-то у меня планы на особняк! Хотела забраться и попользовать ванную…

В круг света шагнул светловолосый мужчина, пышная русая волна мягко обрамляла чистое открытое лицо. Я оценила подтянутую фигуру, кинжал в неприметных ножнах, оружие явно не для красоты, им умеют пользоваться. Одежда дорогая, но не вычурная. И пахнет от мужчины приятно — хвоей, лесом. Хотя какой он мужчина? Юнец ещё, лет двадцать пять, не больше. Даже щёки по-детски пухлые. Не красавец, но вполне привлекательный и в моём вкусе. Особенно мне понравились золотисто-карие глаза и полные губы. Я даже облизнулась. Мальчик-золото. На котёнка похож. Или рысёнка. Да, скорее лесной зверь, красивый, гибкий, умеющий и мурлыкать, и убивать. Впервые с начала моей нежизни я подумала о солнце без раздражения: представила, как лучи дневного светила заиграют в волосах Рысёнка, как осветится его лицо.

— Господин, ведь не прибрано. Нельзя же так, — пробормотал слуга, вынося из экипажа багаж. Пробормотал настолько тихо, что услышала только я.

Рысёнок отпер дверь и вошёл в дом. Я расслышала его неторопливые шаги. Осматривается? Скорее всего.

— Господин, — на сей раз слуга говорил довольно громко, — негоже в грязи да пыли ночевать. В гостевой бы дом, а уж с утра бы я девок нагнал, всё отмыл, отчистил.

— Рамс, не ворчи, — откликнулся Рысёнок.

Слуга забубнил тише. С переносом вещей он управился за три ходки, дверь закрылась, щёлкнул замок и я тихо выдохнула:

— Траш!

Какой к Тьме Рысёнок? Какое солнышко? Что вообще это было? Донельзя ошарашенная, я выползла из-под куста.

Стоять в саду столбом не стоило. Я, пригнувшись, добралась до забора и быстро преодолела препятствие. Пока шла к колодцу, думала о Рысёнке. Приложило меня знатно. Мёртвую симпатичные мальчики должны волновать исключительно в роли закуски. В Рысёнке я тоже чувствовала жизненные силы, и я не прочь их выпить до последней капли, но смотрела я на него не как на еду, не как на человека, волею случая попавшегося мне на пути, а как на привлекательного мужчину. Найти этому объяснение я так и не смогла. Успокоилась, ответив на главный для себя вопрос: если понадобится, я смогу его уничтожить? Да. На этом и закончу.

Я перегнулась через бортик колодца, всматриваясь в глубину. Воду отсюда никто не черпает, давным давно в домах, даже не самых богатых, трубы и краны. Из колодца ожидаемо пахло болотом, тянуло сыростью и затхлостью.

Пришлось разуваться и раздеваться, прятать одежду и лезть. Колодец… У богини специфичное чувство юмора. Я повисла на руках, расставила ноги пошире и упёрлась в стенки колодца. Шершавые, заразы. Мне удалось удержаться за счёт ног, и я рискнула отпустить бортик. Живая я бы такой

финт не провернула, упала бы. Я упёрлась в стенки ладонями и начала медленный спуск. Медленно-медленно я по шажочку продвигалась вниз, часто останавливалась, чтобы не пропустить нечто, ради которого Тьма меня сюда отправила. Увы. Я спустилась до самой воды, так ничего и не поняв, и решительно нырнула. Наверное, именно бултыхания в мутной жиже мне для счастья не хватало.

Я спустилась почти до самого дна, разочарованно выпустила пару пузырей. Ни-че-го. Богиня не вмешивалась. Я должна справиться сама. Или я недостойна возрождения.

Принялась ощупывать каждый камешек. Под водой я чувствовала себя так же уверенно, как на воздухе. Даже лучше — мне дышать не надо, а сила позволяет не замечать плотность воды и передвигаться по дну как по суше. Один из каменей поддался, и в стене открылся проём. Есть! Дальше я снова карабкалась, для разнообразия — наверх. И добралась до небольшой на удивление сухой комнатёнки, в которой прямо на полу меня ждали огрызок бумаги, исписанный убористым почерком и флакон из тёмного стекла.

Начала с записки. Некто неизвестный, скорее всего тёмная жрица по приказу богини, оставил рецепт зелья, позволяющего скрыть суть и выдать себя за угодное Свету создание. Масляная основа, несколько трав и главный ингредиент — эссенция Света, концентратом которой меня обеспечили.

— Спасибо, — без помощи свыше мне задумку не осуществить.

Тьма не ответила.

Я несколько раз перечитала записку. Рассчитывать приходится исключительно на собственную память, потому что в воде листок расползётся. В «карман» оставленный мечом положить? Замажу. Некогда ярко-алая кровь превратилась в зеленовато-бурую патоку. Не сочится, одежду не портит, но стоит тронуть рану — и дрянь липнет к рукам. В конце концов положила и записку, и флакон в рот, ничего надёжнее не придумала, всё равно во рту сухо, как в пустыне. Теперь главное — не проглотить и не погрызть. Чистый концентрат выжжет изнутри насквозь, от меня даже пепла не останется.

Из колодца я выбралась без приключений. Балансируя на бортике, встряхнулась, отжала волосы. Флакон и записку спюнула, перепрятала в платье. Одеваться? На мокрое тело не желательно. Я подхватила узел и, держа его в вытянутой руке, побежала. В одном исподнем. Обсохну на ветру — оденусь.

Направление я выбрала — к неблагополучным кварталам. Во дворец надо идти сытой, и никак иначе. Ну-ка, где моя еда?

Увы, неприятности меня так и не нашли. Пришлось самой трудиться искать. Тело обсохло, я натянула платье. По ощущениям по ночной столице я кружила не меньше получаса, когда мой чутких слух уловил подозрительную возню. Бросившись на звук, я не прогадала. В дом через окно лезли двое. Считая меня, стало трое.

Я появилась как раз вовремя.

— Попалась, дрянь?! — звонкая оплеуха отбросила девушку к стене.

Второй нападавший приволок в комнату насмерть перепуганную девочку лет двенадцати-тринадцати. Старшая моментально опомнилась, протянула руки, не вставая с колен:

— Не надо, не трогайте её, — с надрывом обречённой попросила она, совершенно не веря, что получится кого-то убедить. — Она же совсем ребёнок.

— О, нет. Гляди, какая милаха, — девчушку грубо встряхнули. — Раньше в этом возрасте замуж выходили, — урод медленно, дразня, начал задирать длинную, в пол, ночнушку ребёнка.

Мразь.

Я прыгнула. Одна надежда — в темноте и через пелену слёз не рассмотрят. Коснулась открытой шеи и резко втянула часть жизненных сил. Малышку оттолкнула к старшей сестре. Сестре же? Девочки похожи.

— Сидеть здесь, — скомандовала я, выталкивая в коридор обоих смертников.

Первый никуда не денется: дикая слабость, боль по всему телу, внутренности частично ссохлись, кожа обвисла и собралась складками. Осталось добить. Я перехватила второго, сдавила горло, чтобы не орал.

— Дети неприкосновенны, — улыбнулась я. — Обижать женщин тоже очень-очень плохо.

И опасно для здоровья. Несколько сладких секунд, и у меня в руке первая мумия. Я сыто заурчала и прикончила второго. Облизнулась.

Увы, расслабляться нельзя. Я позволила себе замереть до счёта три и приступила. Первым делом я быстро осмотрелась, оттащила тела на кухню и сожгла в печи, благо огонь охотно забирал останки. Убедившись, что следов не осталось, вернулась к сёстрам.

— Девочки?

Ответом был невменяемый взгляд старшей и просто испуганный младшей.

— Они ушли, больше вас не потревожат. Что они от вас хотели?

Старшая слегка ожила и смущённо пролепетала:

— Я ему отказала.

В чём, понятно. Кому именно?

— Это всё?

— Д-да.

Вроде бы не врёт.

— Не бойся, больше они вас не тронут. Я могу чем-то помочь? Ты уверена, что больше к вам никого не подошлют?

— А вы кто?

— Никто. Считай, что меня не было.

Не дожидаясь, когда девочки окончательно очухаются, я бросила на кровать тощий кошелёк с мелкими монетами, будем считать, за потраченные на кухне дрова и скрылась че-

рез оконный проём, жалея только о том, что «засветилась». Вряд ли девочки удержат язык за зубами, что-то да сболтнут. Как быстро слухи распространятся? Эх, умом понимаю, что вести себя надо очень тихо и аккуратно. Но как закрыть глаза и не вмешаться?!

Впрочем, я быстро выкинула сестёр из головы. Помогла? Да. Помощь предложила? Да. Отказались? Отлично, больше я ничего не должна, одной проблемой меньше. Пора о себе и своих делах вспомнить. До рассвета я успела побывать на крыше особняка, забрать свою дорожную сумку. Восход встретила в тенистой боковой аллеи городского парка: как показала практика, отдых мне тоже необходим, вот я и провела несколько часов, ни о чём не думая, созерцая зарождение нового дня и успокаивая разум.

С восходом столица просыпалась. Не желая столкнуться на узкой дорожке с патрулём, покинула место ночёвки, прошлась по городу, дожидаясь открытия аптек и лавок травников, докупила необходимые для зелья ингредиенты и, наконец, остановилась в гостевом доме средней паршивости. Раз особняк у меня отобрали, придётся снять комнату. Рысёнок… Вот чтоб ему завтра приехать?

— Ваш ключ, госпожа.

— Благодарю.

На крохотный миг я почувствовала себя очень неуверенно. Каких-то несколько часов отделяют меня от проверки жрецами Света. Я мотнула головой, отгоняя сомнения. Ве-

ликой авантюре быть.

Глава 7

Комната погрузилась в приятный полумрак — я плотно зашторила окно, а затем и вовсе задвинула его шкафом, благо сила позволяла. Для запертой двери остался, к сожалению, только комод. В сочетании с торчащим из замочной скважины ключом — неплохо. Я сделала всё, чтобы меня не потревожили ни случайные визитёры, ни зрители.

Выставила на стол глиняную плошку, прикинула. Готовить слишком большую порцию не стоит. Флакон с чистой эссенцией непроницаем, а в обычной бутылке Свет почувствуют. Масло и травы — ничем не примечательные косметические средства, открыто пронесу.

Глубокий вдох и медленный выдох помогли взять эмоции под контроль. Сложное впереди, пока только подготовка. Не о чем переживать. Сначала основа, розовое масло, дорогое, зараза. Я закрыла дно плошки на два пальца, на глаз щедро добавила эфиры трав. Точных пропорций в рецепте не было, но логика подсказывает, что они и не нужны — работать будет только Свет, а основа нужна исключительно как фиксатор. Грубо говоря, Свет можно накапать и в воду, но эффект испарится меньше, чем за час.

Вытащив их чёрного флакона пробку, я уронила в смесь три перламутровые капли и тотчас заткнула горлышко. Кажется, всё прошло лучше, чем я ожидала. Я боялась ослеп-

ляющей вспышки или чего-то столь же эффектного, но удача была на моей стороне — обошлось.

Три жемчужины погрузились в масло, не желая растворяться. Придётся разбивать. Я решительно погрузила в смесь деревянную ложку и принялась взбалтывать. Жемчужины довольно быстро раздробились в россыпь белоснежных искорок. Ещё не то. Я продолжила мешать, до тех пор, пока Свет окончательно не слился с масляной основой в единое целое. Поболтав ещё немного, я вынула ложку и опустила на край плошки.

Снадобье не распадалось, сохраняло целостность.

Теперь в ванную — отмыться от грязи ночных приключений, промыть волосы и прополоскать отваром. На приведение себя в порядок ушло около получаса. После купания я тщательно убрала влагу полотенцем и остановилась перед зеркалом. Что могу сказать? Если с излишней бледностью смириться можно, то рана под грудью портит всю картину. Но есть и хорошее. Тайника лучше, чем «карман» под сердцем, не придумать. Спрячу концентрат туда.

Отбросив полотенце, я занялась снадобьем. Зачерпнула немного и шлёпнула на ногу. Кожу тотчас обожгло.

— Траш! — выдохнула я от неожиданности.

Не столько больно, сколько неприятно. Будто мелкими иголками покалывает.

— А как ты хотела? — удивилась Тьма.

— Я просто не задумывалась.

Игнорируя терпимые, но крайне неприятные ощущения, я продолжила тщательно намазываться. Даже самый крохотный участок не должен быть пропущен. Иначе всё напрасно. Труднее всего оказалось втереть снадобье в кожу головы — исхитриться и не зажирнить волосы, ибо светлых невест с грязной головой не бывает по определению.

Когда я закончила, всё тело жгло, но я уже почти не обращала на лёгкую боль внимания и искренне радовалась, что масло впиталось, не оставив ни следа. Отлично! Остатки снадобья я безжалостно смыла в раковину.

Я сделала высокую, приличествующую благородной причёску, ещё раз перебрала свой хилый скарб, заново собрала дорожную сумку. Почти. Осталось написать рекомендательное письмо, одеться, и можно отправляться.

«Глубокоуважаемая леди Ладер, искренне приветствую вас и прошу прощения, прекрасно осознавая, что вы вряд ли вспомните мимолётное знакомство, случившееся более пяти лет назад. Если бы не жестокие обстоятельства, поверьте, я бы не осмелилась вас тревожить. Позвольте представиться заново, к вашим услугам Каэнора Брейт. Молю Свет, что моё имя всё-таки навело вас на воспоминания».

Перечитав, я ухмыльнулась. Как завернула! Вежливости намазала толстый слой, витиеватых оборотов не пожалела. С первого раза и не понять, что написано. А Каэнора Брейт… Вымысел. Распространённое имя, распространённая фамилия.

«Жестокие обстоятельства не позволили мне выполнить долг перед моей старой подругой и представить ко дворцу племянницу её супруга. Я прослышала, что ваша дочь станет светлой невестой и умоляю снизойти и помочь — взять под опеку обеих девушек. Шанита Тайрик прибыла в столицу в сопровождении достойной дамы, девушка чиста, и я, искренне надеюсь, станет доброй приятельницей вашей дочери».

Ещё пара бессмысленных оборотов и заверений в вечной благодарности. Я размашисто подписалась, повторно пробежала текст глазами. Клюнет ли Маэни Ладер? Если мозги есть, то нет, но женщина не показалась мне умной. Зато желания пристроить дочурку хоть отбавляй. Должно сработать.

Я оделась в одно из новых платьев, мягкие терракотовые тона чуть оживили лицо и скрасили белизну кожи. Перчатки — обязательно, широкополую шляпу — тем более, именно она объяснит, почему солнце не позолотило моё лицо ни на тон. Кажется, всё. Я вернула на место шкаф, комод. Тщательно осмотревшись, убедилась, что следов не оставила. Да, теперь точно всё.

У выхода из гостиницы дежурили несколько извозчиков. Я махнула, подзывая. Я бы пробежалась, но, увы, образу леди придётся соответствовать, а значит, колёса и только колёса. Я расслабилась, пока экипаж вёз меня по улицам. Если не получится с Маэни Ладер, обращусь в храм Света. Как сирота, я могу рассчитывать на помощь жреца. Впрочем, это запасной путь, которым, я надеюсь, воспользоваться не при-

дётся — опасно.

— Госпожа, прибыли, — за те деньги, что запросил извозчик, я могла рассчитывать, что для меня откроют дверцу.

Перехватив сумку поудобнее, я кивнула мужчине, спустилась на мостовую, небрежно расправила фалды на юбке, расплатилась. Нужный дом передо мной.

— Госпожа, вас подождать?

— Благодарю, но не стоит, не понадобится.

Извозчик с сожалением вздохнул, экипаж покатился прочь, а я решительно направилась к парадному подъезду. Сомнения уступили место предвкушению. А я, оказывается, азартная.

Держа спину ровно, а голову слегка опущенной — я должна производить впечатление бедной, неуверенной в себе девушки благородных кровей — я поднялась по широким ступеням и три раза раза ударила украшавшим дверь кольцом в покрытую замысловатой гравировкой металлическую пластину. В доме должны услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.